

The poster depicts a family in a medieval setting. A man in a dark, ornate military-style coat with a dragon emblem on the sleeve stands protectively behind a woman in a green dress. They are looking at each other affectionately. In the foreground, a young boy is drawing on a scroll, and a young girl is holding a rag doll. They are seated at a wooden table with a bowl of fruit and a mug. The background shows a picturesque village with stone buildings and a church, nestled at the foot of mountains under a sunset sky. A tree with pears is in the upper left corner.

Лиана Вейл

ДРАКОНЬИ ДЕТИ.
— ПАПА —
ПРИЛАГАЕТСЯ

18+

Лиана Вейл

Драконьи дети.

Папа прилагается

<https://litres.ru/74616714>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двое голодных детей в бельевом сарае не входили в мои планы. Тем более — драконьи. Я накормила их, позвала лекарку и решила найти родителей. Отец нашёлся сам: генерал Кайрен Арден, привыкший отдавать приказы.

В моём пансионе так не принято. Здесь за комнаты платят, за столом выслушивают детей, а хозяйке не указывают, как ей жить.

Он остался. Сначала ради сына и дочери. Потом начал задерживаться рядом со мной, когда они уже спали. А однажды пригласил на свидание — только нас двоих.

Мне тридцать три. У меня свой дом, работа и привычка полагаться на себя. У него — двое детей, служба в столице и слишком притягательный взгляд. Мы оба хотим большего, чем несколько счастливых вечеров. Только готовы ли изменить ради этого свою жизнь?

А лучшая лечебница курорта требует вернуть детей и грозит закрыть мой дом. За образцовой заботой скрывается тайна, которую нам придётся раскрыть вместе.

Самостоятельный однотомник. Счастливый финал.

Содержание

Глава 1. Двое в белье в сарае	5
Глава 2. Детский тариф на неприятности	23
Глава 3. Этот дракон не умеет просить	40
Глава 4. Генерал за кухонным столом	57
Глава 5. Варенье против военной стратегии	74
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Лиана Вейл

Драконьи дети.

Папа прилагается

Глава 1. Двое в бельевом сарае

Госпожа Редер приехала в «Ласточки» с двумя сундуками, дорожной клеткой и намерением поселиться в комнате, которую я сдала ещё весной. Пока её муж расплачивался с извозчиком, она объясняла мне, что западные окна вызывают головную боль. В клетке сидел толстый серый кот и цеплял когтем мой счётный журнал.

— В вашем письме была указана третья комната, — сказала я. — Она выходит в сад. Западные окна в пятой.

— Но третья на втором этаже.

— Как и было указано в письме.

Я переставила чернильницу подальше от кота и предложила прежде выпить чаю, а потом посмотреть комнату. После шести часов на горной дороге у гостей обычно болели ноги. Муж госпожи Редер, вошедший в эту минуту, согласился так охотно, что она перестала возражать.

Я попросила Грету, нашу кухарку, подать чай, вручила постояльцам ключ и предупредила, чтобы кота не выпускали в

коридор. В июле под карнизом жили ласточки, и мне не хотелось спасать их выводок от чужого любимца.

На вывеске ласточки тоже имелись. Семь лет назад я сама прибавала её, а Борис держал лестницу и говорил, что буква «о» кривая. Теперь синяя краска выцвела. Борис собирался подновить её, если я опять не доберусь до кисти раньше него.

На крючке у задней двери не было ключа от бельевого сарая. Утром его брала Неля, наша горничная, сейчас менявшая постели наверху. К ужину требовалась скатерть; я отправилась за ней и за ключом, который опять могли оставить в замке.

Во дворе пахло нагретым камнем и смородиновыми листьями. Солнце ещё лежало на верхушках гор, но за домом уже собиралась прохлада. Я прошла мимо скамейки, на которой сушились вымытые подушки, подхватила сползшую наволочку и затолкала её под локоть. Дверь сарая была прикрыта, ключ действительно торчал снаружи.

Изнутри донёсся осторожный скрип. Я остановилась, придерживая дверь. Половица у дальней стены качалась; Борис собирался заменить её вместе с порогом, когда закончатся июльские заезды. Крыса могла пробежать по доске, но вслед за скрипом я услышала шёпот:

— Не трогай. Упадёт.

Я открыла дверь настолько, чтобы видеть проход между полками.

На полу, за корзиной с простынями, сидела девочка. Ко-

лени у неё были подтянуты к подбородку; на одной ноге туфля, на другой грязный носок. Она держала мою деревянную прищепку и пыталась приколоть ею к рубашке оторванную пуговицу. Когда вошёл свет, девочка выронила прищепку.

Мальчик вскочил рядом с ней, ударился плечом о полку и успел подхватить стопку полотенец раньше, чем она рухнула. Был он лет девяти, худой, с тёмными волосами, прилипшими ко лбу. Рукава слишком большой рубахи закрывали кисти. Он смотрел на дверь за моей спиной, а я — на его босые ступни: на пятках засохла кровь.

— Полотенца удержишь? — спросила я.

Он кивнул. Я медленно подошла, забрала верхние полотенца и переложила на соседнюю полку. Мальчик не отступил, только втянул голову в плечи. Когда я освободила ему руки, девочка спросила:

— Это твои?

— Полотенца? Мои.

— Мы не украли.

— Вижу. Они все здесь.

Маленькое махровое полотенце лежало у девочки под боком, свёрнутое валиком. Я отступила к двери, оставляя детям проход.

— Меня зовут Марта. Это мой дом. Вы одни пришли?

Мальчик перевёл взгляд с двери на окно. Окошко было высоко и едва приоткрывалось; пролезть в него мог кот госпожи Редер, но не ребёнок.

— Мы уйдём, — сказал он. — Только она посидит немно-
го.

Девочка попыталась встать, опираясь на корзину. Её потянуло вбок. Мальчик шагнул к ней, и оба застыли в неловой позе: он держал её за ворот, она цеплялась за его рукав. Я успела подставить ладонь под девочкино плечо. Сквозь тонкую ткань почувствовала холод, какой бывает у человека, слишком долго просидевшего в мокрой одежде.

— Сидеть удобнее на стуле, — сказала я. — А ещё у меня есть суп.

— С мясом? — Девочка подняла голову.

— С курицей. И хлеб.

Мальчик сглотнул, но спросил другое:

— Кто там?

— В доме? Гости, которые платят за комнаты. Мои работники. Кот, которого пока не выпускают из клетки.

Девочка посмотрела на него. Ожидание в её лице было таким открытым, что он нахмурился сильнее.

— Мы можем заплатить, — произнёс он и неловко полез под ворот рубахи.

На шнурке висела медная пуговица с остатком синей нитки. Он зажал её между пальцем и рукавом, не решаясь снять.

— За суп не надо. А хорошие пуговицы сейчас трудно найти. Прибереги.

Он сразу спрятал её обратно. Девочка потянулась за валиком из полотенца, но я предложила оставить его до возвра-

щения.

— Его заберут?

— Нет. Сарай закрою, ключ возьму с собой.

Я показала ключ, прежде чем вынуть из замка. Девочка некоторое время смотрела, как я поворачиваю его в пальцах, потом позволила поднять себя на руки. Она оказалась легче, чем я ожидала, и тут же уткнулась носом в мой воротник. Мальчик вышел первым. На крыльце он присел, будто хотел проверить двор из-под перил, а потом обернулся ко мне.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Ник.

— А тебя?

Ответ девочки был заглушён тканью моего платья. Ник сказал за неё:

— Юла. Ей шесть.

— Я сама умею, — проворчала Юла и отодвинулась от меня ровно настолько, чтобы повторить своё имя.

Я понесла её через заднюю дверь, стараясь не задеть холодной ногой дверной косяк. Ник шёл рядом, всё ещё поглядывая на калитку. Чужих детей я кормила и прежде: у меня останавливались семьи, племянники постояльцев, однажды заблудившийся пастушок. Но никто из них не проверял, можно ли спрятаться за бочкой с дождевой водой, пока я отпираю дом.

На кухне готовились к ужину. На столе остывали пироги, Грета резала укроп, а Борис, сидевший у окна, чинил ручку медного ковша. Увидев детей, он положил инструмент и поднялся, чтобы убрать со стула свой жилет.

— Найди Лидию Фосс, — попросила я. — Скажи, двое детей, очень слабые. Пусть возьмёт всё для осмотра. Если её нет дома, спроси в аптеке.

Он глянул на Юлину ногу и вышел во двор. Приёмная Лидии находилась на соседней улице; обычно я отправляла к ней гостей с растянутой лодыжкой или после неудачных попыток выпить недельную норму минеральной воды.

— Я могу на стул, — сказала Юла.

Я посадила её за край стола. Она немедленно поджала под себя босую ногу, пряча носок. Ник выбрал место так, чтобы видеть обе двери. Я принесла миски и отрезала хлеба; Грета молча подвинула мне половник. По тому, как она вытирала уже чистую столешницу, было件нятно, что вопросов у неё не меньше моих. Но при детях она их не задавала.

Юла взяла ложку прежде, чем перед ней появилась миска. Когда я поставила суп, она наклонилась так низко, что кончики кудрей едва не попали в бульон.

— Горячий. Подожди.

Она послушно остановилась. Ник придвинул к ней свою

миску — в ней супа было чуть меньше, и он успел остыть. Себе взял её порцию. Движение получилось привычным, почти незаметным; только по тому, как он после этого посмотрел на меня, я поняла, что он ждёт возражения.

— В твоей тоже есть курица, — сказала я.

Он опустил глаза. Есть принялся осторожно, сначала две ложки, потом кусочек хлеба. Юла проглотила несколько ложек подряд и спросила:

— Можно без зелёного?

— Можно. — Я выловила укроп с края её миски. — Картошку оставляем?

— Картошку оставляем.

Ник впервые посмотрел на сестру так, будто вспомнил что-то обычное, не связанное с этим двором и чужой кухней. У него чуть дрогнули губы. Я поставила перед ним второй ломоть хлеба и отошла к умывальнику: дети ели, и мне не хотелось стоять над ними.

— Они чьи? — негромко спросила Грета.

— Пока не знаю.

— Из города?

— Узнаем, когда поедят.

Она обернула пироги чистой тканью. До ужина оставалось меньше часа, и моё отсутствие скоро заметили бы, но сейчас я не могла заставить себя вернуться к журналу. На краю Юлиной рубашки, чуть выше колена, поблёскивало высохшее пятно. Сначала я приняла его за слюду — мальчишки

часто находили такую в горах. Однако мелкие светлые точки тянулись по шву ровной полосой, словно ткань опускали в раствор. На рукаве Ника был тот же налёт.

— Далеко пришлось идти? — спросила я, вернувшись к столу.

Он помедлил и пожал плечами.

— Ты туфли потерял?

— Они не мои были. Большие.

Юла на секунду перестала есть.

— Вторая у воды.

— В ручье?

Ник протянул ей хлеб, хотя у неё ещё лежал свой. Юла взяла его и замолчала. Я оставила вопрос без ответа. От сарая до ближайшего ручья было недалеко, но ниже по склону имелись и водосборные канавы, и открытые желоба от купален. Искать туфлю без них было бесполезно; с ними — ещё и жестоко.

— Есть кому сообщить, что вы здесь? — Я села напротив, поставив локти на край стола. — Кто-то ведь вас ищет.

Мальчик перестал жевать. Внезапно мне захотелось взять вопрос обратно: уж слишком быстро он оглядел кухню, задержавшись взглядом на двери, через которую ушёл Борис.

— Ты послала за ними?

— За лекаркой. Она посмотрит ваши ноги и проверит, почему Юла такая холодная.

Ник встал, задев ложку. Металл звякнул о миску, и Юла

выпрямилась, прижимая хлеб к груди.

— Не надо лечить! Мы больше не будем.

— Что не будете?

Он открыл рот, но так и не ответил. Воздух возле его лица дрогнул. Я заметила это краем глаза — короткую рябь, словно над разогретой плитой, — и успела отодвинуть Юлину миску, прежде чем Ник резко втянул носом воздух.

Он чихнул. Узкий язык пламени ударил по краю стола. На полотенце, которым были накрыты пироги, вспыхнула маленькая рыжая дырка.

Грета вскрикнула и попятилась к плите. Я схватила мокрую тряпку у умывальника и накрыла загоревшийся край. Пироги уцелели; обугленная ткань прилипла к столу. Ник стоял, прижав ладони ко рту. Из-под пальцев просочился дымок.

— Не держи так, обожжёшься. — Я потянулась к его запястью, но остановилась, когда он отшатнулся. — Ник, убери руки. Пламя уже погасло.

Юла сделала маленький судорожный вдох. По внешней стороне её миски поползла белая корка. Я увидела, как она охватывает керамику, покрывает каплю бульона и доходит до Юлиных пальцев. Девочка выпустила хлеб. Её ложка осталась в другой руке.

— Прости, — сказала она. — Я не хотела.

Миска треснула с сухим щелчком. Я отодвинула её мокрой тряпкой, вытирая растёкшийся суп, а Грета, придя в се-

бя, убрала подальше оставшуюся еду. Ник сел и спрятал руки между коленями. Он даже не посмотрел на ожог у собственного большого пальца; смотрел на дырку в полотенце.

Драконы у меня останавливались, но взрослые. Один торговец даже спал на полу, уверяя, что матрасы слишком мягкие. О своих привычках он предупредил при заселении. Что делать с испуганными детьми, я не знала.

Я присела у Юлы и осторожно разогнула пальцы на её свободной руке. Кожа была белая, ногти синеватые. Она следила за мной, не моргая.

— Холодно?

Девочка кивнула.

— Сейчас завернём тебя. Ложку можешь оставить.

— Нас выгонят? — спросил Ник.

Он произнёс это тихо, с такой готовностью встать и уйти, что я посмотрела на свои руки: я всё ещё держала мокрую тряпку и обломок миски. Для него именно так, должно быть, выглядел конец гостеприимства.

— Сначала уберём осколки, — ответила я. — Потом найдём, где вам лежать. На кухне жарко и тесно.

— Я умею убирать.

— У тебя ноги поранены. Посиди.

Я принесла из шкафа шерстяной платок и закутала Юлу. Ник полез под рубаху, снова нащупывая свою пуговицу. Я не стала ждать, когда он предложит её за разбитую миску, и попросила его придержать платок на сестриных плечах, пока

я вытираю пол. Он послушался. Девочка прижалась к нему, уже не глядя на дверь; ложка торчала из-под шерсти, как тонкая серебристая веточка.

Из восьми комнат свободна оставалась одна, нижняя: две кровати, широкое окно, умывальная за перегородкой. На завтра её заказала вдова аптекаря. Я начала искать для вдовы другое место, но остановилась. Сегодня детям требовалась именно эта комната.

Я сняла с кровати кружевные покрывала, попросила Грету принести простые одеяла и убрала со столика сушёные цветы. Когда их дарили, я не представляла, сколько пыли может удерживать один букет. Сейчас меня больше беспокоило, как быстро он вспыхнет от детского чиха. Стул поставила возле двери, второй — у кровати Юлы; на столик принесла чашку воды. Ник проверил, открывается ли окно. Я показала щеколду и предложила оставить створку приоткрытой: из сада пахло мятой, а прохладный вечерний воздух уже вытеснил духоту.

— Здесь можно закрыться? — спросил он.

— Да. Но Лидии надо будет войти. Пока засов не трогай.

Ник опустился на край кровати, сложив на коленях платок, который я сняла с Юлы, когда укрывала её одеялом. Я подставила под его ноги таз и попросила разрешения смыть

грязь. Он отдёргнул левую ступню; правая уже стояла в воде. От движения по полу расплескалась лужица.

— Больно?

— Холодно.

Я согрела воду прикосновением пальцев. После дня на ногах даже от двух литров заныло в висках. Три нагрева подряд — и мне требовался отдых; поэтому воду для стирки мы грели на плите.

— Ты тоже можешь, — сказал Ник, глядя в таз.

— Немного воду погреть. Ковши не чиню, суп не варю, полотенца сами в шкаф не возвращаются.

— Но ты умеешь остановиться.

Я посмотрела на него. Он осторожно поставил вторую ногу в воду и склонился, разглядывая пятки. У меня не нашлось честного ответа, который помог бы ему прямо сейчас. Моя магия с детства была мелкой, удобной, иногда досадной: вот и всё, что я могла бы рассказать ребёнку, боявшемуся собственного дыхания.

— Лидия знает про такие вспышки больше меня, — сказала я. — Сначала пусть посмотрит, хорошо?

Дверь в коридор открылась прежде, чем он ответил. Господин Вельт, занимавший пятую комнату, остановился на пороге и посмотрел на таз, затем на кровати. Он был в домашнем халате, но ворот застегнул под самое горло. Из окна его комнаты можно было видеть вход в кухню; должно быть, к кухаркиному вскрику он добавил всё, что успел заметить

сам.

— Мне сообщили, у вас происшествие, — сказал он.

— На кухне подпалили полотенце. Уже убрали.

— Это драконьи дети?

Ник опустил ноги глубже в таз. Юла, почти задремавшая, открыла глаза. Я поднялась со стула и вышла в коридор, прикрыв за собой дверь.

— Чем я могу вам помочь, господин Вельт?

— Вы можете позаботиться о спокойствии своих гостей. Моя жена опасается за наши вещи. Мы платили за отдых в человеческом пансионе.

— Вы платили за комнату, питание и чистое бельё. Это я обеспечиваю.

— А если они подожгут дом?

Он повысил голос. Я приблизилась, вынуждая его отступить от двери. За его плечом висели гостевые правила, в которых я обещала постояльцам спокойствие. Я сама выбирала каждое слово и теперь сердито разглядывала дощечку, словно та должна была подсказать, как выполнить обещание.

— Лекарку уже позвали. Дети будут здесь под присмотром. Если вы решите уехать, я верну плату за оставшиеся дни.

— Вы готовы потерять постояльцев ради неизвестно кого?

— Сейчас я готова закончить разговор. Здесь собираются спать.

Он ушёл. Наверху госпожа Редер смеялась, её муж гово-

рил про кота. Пятую комнату Вельтов можно было отдать вдове аптекаря, но возвращаемая плата за две ночи уже была внесена в расчёт на жалованье. Я начала складывать суммы и прервалась, услышав Юлу:

— Марта, я не разбила вторую.

На столике у её кровати стояла чашка с водой. Девочка держала ладони у себя на животе, подчёркнуто далеко от чашки. Я вошла, вытерла лужицу возле Ника и села между кроватями.

— Вторую не разбила. Первую я убрала. Отдыхай.

Юла хотела ещё что-то сказать, но веки опустились прежде, чем она успела. Ник сидел над тазом, слушая звуки наверху, и не позволял себе лечь.

Лидия пришла с Борисом, когда в столовой уже подавали ужин. Она положила чемодан на стул, сняла дорожную накидку и первым делом попросила меня поставить чистую воду. Нику дала подержать маленькую лампу, пока раскладывала инструменты. Юла проснулась от скрипа застёжки и спрятала руку с ложкой под одеяло.

— Не заберу, — сказала Лидия, заметив её движение. — Сама держи. Мне нужны другая рука и немножко терпения.

Она говорила с детьми так же, как с моими постояльцами: спрашивала, ждала ответа, объясняла, прежде чем при-

коснуться. Осмотрела Юлины пальцы, послушала дыхание, затем села перед Ником. На порванном рукаве мальчика белела жёсткая полоска. Лидия повернула ткань к окну и попросила Бориса принести пустую стеклянную банку.

— Одежду придётся сменить, — сказала она мне. — Эту не стирай пока. Я возьму образец налёта.

Я хотела спросить, что она нашла, но Ник напрягся, следя за её руками. Лидия закрыла чемодан, оставив снаружи лишь мягкий бинт и небольшой флакон.

— На пятках царапины. Обработаю, чтобы завтра меньше болели. А большой палец ты обжёг только что?

Он кивнул.

— Долго вода в тазу была тёплой? — спросила она у меня.

— Несколько минут.

Лидия велела налить прохладной в отдельную чашку и опустить туда палец. Я подчинилась, не споря, хотя минуту назад чуть не потянулась вытереть ему ладони полотенцем. Усталость делала меня торопливой. Лекарка заметила это и подвинула мне свой стул, когда закончила перевязку.

Грета принесла из кладовой забытые гостями вещи. Нику подошла рубаша с оборванной завязкой, Юле — ночное платье с вышитым гусём. Девочка спросила, кусается ли он. Кухарка ответила, что этот воспитанный, а вот живой гусь у её сестры совсем другой. Пока Юла слушала, я убрала грязную одежду в мешок. Пуговицу на шнурке Ник оставил на шее.

Когда оба легли, Лидия вышла со мной в коридор. Борис

остался у открытой двери, держа на коленях ковш, который принёс с кухни: ручка всё ещё болталась, и он мог чинить её, не отходя от детей.

— Очень слабые, — сказала лекарка. — Сегодня без купанья, прогулок и расспросов. Пить понемногу. Если появится дрожь, позовёшь меня сразу. Ночью я останусь здесь.

— Это обычные вспышки?

— Вспышки бывают. А вот почему они так истощены, надо выяснять. Я возьму пробы утром. Пока не знаем, кто их лечил, ничего из чужих назначений им не давай.

Лидия сняла очки и вытерла их платком. Я слышала, как Грета накрывает мой ужин крышкой, и захотела хотя бы на пять минут вернуться к тёплому пирогу.

— Они не назвали фамилию, — сказала я. — Про родных молчат.

— Всё равно сообщай. Возраст, приметы, где нашла. Если ищут, узнают.

Мы с Борисом заполнили два извещения. Одно он отнёс в городскую стражу, второе — в контору королевской почты, где принимали сообщения о найденных людях и сверяли их с розыскными списками. Я описала одежду, волосы, цвет глаз; возле строки об особых приметах задержалась и указала драконьи вспышки. Ник стоял в дверях, опираясь на косяк. В постель он опять не лёг.

— Кто прочитает? — спросил он.

— Люди, которые ищут ваших родных.

— А другим скажут?

Я положила перо. Обещать, что никто чужой не увидит извещения, было бы легко, а выполнить невозможно. Мальчик смотрел прямо на меня, и я чувствовала, как хочется дать ему именно этот лёгкий ответ.

— Не знаю, кому придётся показать, — сказала я. — Но просто так вас отсюда не уведут. Сначала я проверю, кто пришёл. И Лидия тоже.

Он поглядел на лекарку. Та кивнула, не добавляя ничего. Ник вернулся к сестре, а я проводила Бориса до задней двери и попросила принести отметки о приёме обоих извещений. После разговора с Вельтом мне почему-то важно было иметь две разные подписи.

Я успела съесть половину пирога и вспомнить про полотенце в сарае, когда зазвонил колокольчик у парадного входа. За стеклом стояли мужчина и женщина в одинаковых светлых плащах. Женщина держала сложенное одеяло; мужчина — кожаную папку. Пока я отпирала, он развернул документ так, чтобы я сразу увидела печать: серебряная капля между двумя горными вершинами.

— Пансион «Ласточки»? — спросил он. — Нам сообщили, что у вас двое детей. Пациенты клиники «Серебряные ключи».

Всю жизнь я слышала, что лучшая лечебница Велина стоит выше по склону, среди сосен. Гости копили деньги на её процедуры и годами хранили открытки с белыми корпуса-

ми. Теперь её посланцы стояли на моём крыльце, а внизу коридора Ник осторожно закрывал дверь комнаты изнутри. Я удержала ладонь на створке, оставляя пришедших снаружи, и попросила мужчину сначала показать документ целиком.

Глава 2. Детский тариф на неприятности

Мужчина подал мне лист, придерживая его за верхний угол. Пока я читала, он смотрел через моё плечо в коридор, а женщина рядом поправляла одеяло на руках. От её плаща пахло лавандой и чем-то резким, аптечным. У меня вдруг возникло неприятное ощущение, что они уже решили, на какую сторону завернуть Юлу, чтобы не мешала нести.

Документ разрешал господину Роллу, старшему распорядителю «Серебряных ключей», сопровождать пациентов клиники. Имена детей были вписаны внизу, возле номеров палат. Ни имени отца, ни подписи родственника на листе не оказалось.

— Где разрешение родителей? — спросила я.

— Хранится у нас. Вы же понимаете, это частные сведения.

— Понимаю. Привезите документ, в котором вам разрешают забрать именно этих детей.

Он взялся за край листа, но я ещё держала его.

— Госпожа Эльнер, мы отвечаем за их здоровье. Ночное переохлаждение, эмоциональное возбуждение, непредсказуемые магические выбросы... Они страдают серебряной лихорадкой. Здесь нет условий для таких больных.

— Вы их сегодня осматривали?

— Мы наблюдаем их гораздо дольше одного дня.

Женщина с одеялом переступила с ноги на ногу. На дороге за её спиной стояла закрытая повозка с белой каплей на дверце. Слово «лихорадка» заставило меня вспомнить обледневшую миску: если они правы, я удерживаю больных детей там, где могу им навредить. Я оглянулась на коридор. В двери нижней комнаты поворачивался ключ; Ник всё-таки нашёл его с внутренней стороны.

Лидия подошла, убирая очки в карман. Я протянула ей бумагу. Она прочла её дольше меня, проверила подпись распорядителя и только после этого взглянула на него.

— Перевозка сегодня исключена. Я их осмотрела.

— Это пациенты доктора Сайра.

— Завтра он может направить мне сведения о лечении. Сегодня дети остаются лежать. Я подпишу заключение для дежурного стражника.

Ролл повернулся ко мне. Он терпеливо объяснял про ответственность, а его спутница держала чистое одеяло; я уже сомневалась, правильно ли сделала, пустив детей в дом. Представила Юлу в повозке, Ника рядом, с забинтованными пятками, и вновь искала на листе имя того, кто имел право за них решать.

— Завтра, — повторила я, возвращая документ. — С врачебными записями и разрешением родственников.

На заднем крыльце заскрипели ступени. Борис вошёл не

один: вслед за ним появился стражник, у которого из-под фуражки торчал светлый вихор. На поясе у него висели дубинка и маленькая чернильница. Он снял фуражку, выслушал Лидию и записал её заключение в свой блокнот. Ролл сразу сообщил ему название клиники. Стражник кивнул, но попросил назвать собственное имя и должность.

Пока они разговаривали, я разглаживала складку на юбке и обнаружила засохший бульон. Стала тереть его ногтем. Борис покосился на мои руки, и я опустила их.

Стражник решил оставить вопрос до утра. Он не обещал мне, что клиника ошибается, и записал, на каком основании я отказываюсь от передачи детей. Лидия подписала рядом. Ролл забрал копию и предупредил, что за последствия отвечает хозяйка.

— За лечение — я, — сказала Лидия. — Моё имя вы тоже записали.

После отъезда повозки Борис положил на стойку два извещения с отметками о приёме. На одном чернила ещё не высохли. Второе пахло воском: почтовый служащий запечатал его прямо перед ним. Я провела пальцем по краю бумаги и поблагодарила Бориса. Он потёр затылок, посмотрел на меня внимательнее и спросил, успела ли я поесть.

— Половину пирога.

— Тогда вторую съешь. Я у комнаты посижу, пока Лидия руки моет.

Я вернулась к детям с маленьким полотенцем из сарая.

Пришлось разговаривать сквозь дверь, пока Ник не поверил, что это я, и не отодвинул засов. Он стоял возле кровати сестры. Юла не спала, хотя глаза закрыла; я заметила, как шевельнулись ресницы, когда полотенце легло рядом с подушкой.

— Уехали? — спросил Ник.

— Да. Завтра вернутся с бумагами. Лидия ночью будет здесь.

— Они сказали, что мы больные?

Я села на его кровать. Он остался стоять, и мне пришлось поднять голову, чтобы смотреть ему в лицо.

— Сказали. Но Лидия хочет сначала сама проверить.

Ник долго молчал, потом провёл ладонью по завязке новой рубахи. Медная пуговица на шнурке скрылась под тканью. Он сел рядом со мной, так близко, что я почувствовала жар от его плеча, и спросил, можно ли утром не выходить на завтрак. Я сказала, что принесу еду сюда. После этого он наконец лёг и повернулся к Юле. На обоих столиках стояли чашки, окно я оставила приоткрытым, а сама просидела у двери, пока Лидия не сменила меня. В кухне остывший пирог оказался пресным. Я съела его, не зажигая большой лампы, и впервые за день перестала проверять, сколько осталось времени до следующего дела.

Утром Неля застала меня у стойки со счетами и спросила, почему в восьмой комнате лежат дети. Я уснула поздно, а проснулась от того, что пыталась во сне разместить вдову аптекаря в бельевом сарае. Теперь передо мной был список занятых комнат, и он выглядел почти таким же безнадежным, как сон.

— Потому что им больше негде лежать, — ответила я и услышала собственную резкость.

Неля отвела глаза. Обычно она заранее заглядывала в журнал, чтобы понять, сколько приготовить постелей; сегодня я ничего там не отметила.

— Прости. Они больны, их вчера нашли во дворе. Перестели пятаю, если Вельты уедут. Покрывала из восьмой не возвращай пока.

Неля записала поручение на своём клочке бумаги. Я показала ей, где сложила снятое бельё, и вписала в журнал имена детей, чтобы она больше не искала объяснений в моём лице.

Лидия сидела у окна с Юлой на коленях. Девочка держала полотенце, прижимая его к щеке. Ник рассматривал три узкие стеклянные трубочки в деревянной подставке. Лекарка принесла из чемодана реактивы для проверки резерва и показывала ему, как меняется их цвет. Одна трубочка была пустой, другую она приготовила для пробы, в третью налила

контрольный раствор.

— Ты вчера обещала без лечения, — сказал он, когда я поставила поднос на стол.

— Обещала сначала проверять, — ответила Лидия. — Если разрешишь, возьму каплю крови. Сама подойдёшь к столу. Потом будешь смотреть вместе со мной.

Юла дёрнула её за рукав.

— А ложку положить?

— Можно на поднос. Марта не унесёт.

Я переставила пустую тарелку подальше, освобождая место для ложки. Ник всё ещё медлил. Мне очень хотелось сказать ему, что надо слушаться врача, потому что мы стараемся ему помочь. Вместо этого я села и очистила яйцо. Скорлупа отрывалась мелкими кусочками; из-за ночной усталости у меня не хватало терпения даже на неё. Пока я ковыряла белок, Ник сам встал и подошёл к Лидии.

Юла выбрала колени лекарки для своей пробы. Пискнула, когда укололи палец, и сердито посмотрела на Ника: тот говорил, что совсем не больно. Он не стал спорить, только протянул ей полотенце. Лидия подписала обе трубочки, перелила контрольный раствор в отдельное блюдце и велела подождать. Пока дети ели, она сравнивала образцы с маленькой цветной шкалой. Потом попросила меня выйти в умывальную.

— Запас у обоих очень низкий. Юла слабее. Но и Ник держится в основном на упрямстве.

— А лихорадка?

— Этим словом у Сайра объясняют нестабильный избыток резерва. Здесь избытка я не вижу. Причина может быть разной, поэтому пробы повторим. Не хочу судить по одному утру.

Я заглянула за перегородку: Ник делил очищенное яйцо. Ему досталось больше желтка, Юле больше белка. Хотелось вернуться к столу и раздать им по целому, пока я не заметила второе яйцо, нетронутое, у края тарелки. Они ещё не успели привыкнуть к тому, что еду не надо беречь.

— Что мне делать?

— Обычная вода без минеральных добавок, небольшие порции еды. Спать. Сегодня никуда их не веди. Если из клиники принесут успокоительный раствор, сама не давай. Я сначала посмотрю назначение.

— Воду брать в бутылках?

— Для питья пока да. Из верхнего пресного источника. Мне нужен состав, в котором я уверена.

Я кивнула, подсчитывая, сколько кувшинов придётся купить. Наши постояльцы ехали в Велин ради источников; половина пила воду, которую Грета считала негодной даже для картошки. Но Лидия сказала про обычную, и пришлось послать Бориса в лавку. Когда он ушёл, я вернулась в комнату и отломил Юле ещё хлеба. Девочка пододвинула мне свободный край своего полотенца. На него она положила скорлупу от моего яйца, чтобы не сыпалась на постель.

К полудню Вельты всё-таки решили уехать. Господин велел Неле немедленно принести сундук вниз, хотя та меняла бельё в другой комнате. Я попросила его подождать Бориса. Сам он стоял рядом с сундуком и объяснял жене, почему у нас невозможно оставаться; жена слушала, проверяя в зеркале, ровно ли сидит дорожная шляпа. С детьми она так и не встретилась.

Я отсчитала шесть серебряных монет за две оставшиеся ночи. На столе они выглядели слишком заметно. За эти деньги можно было заказать новую посуду или оплатить часть недельного жалованья. Вельт пересчитал их и сообщил, что предупредит знакомых о нашем пансионе. Я протянула ему расписку. Он поднял голову, ожидая ответа, но я уже вела пальцем по строке, где надо было подписать получение денег.

Зато пятую комнату удалось отдать вдове аптекаря. Она приехала вскоре после обеда, взглянула на лестницу и попросила Бориса принести второй сундук — маленький, с книгами — прямо к кровати. На мои извинения по поводу замены комнаты ответила, что западные окна ей нравятся. Утром она любит спать. Я проводила её наверх и некоторое время смотрела на закрытую дверь, прежде чем вернуться вниз: впервые за сутки одно из моих решений не требовало дальнейших объяснений.

Во второй раз Ролл приехал с молодой женщиной в круглых очках. Светлый плащ, в котором была его вчерашняя спутница, она не носила; поверх тёмного платья надела короткую рабочую куртку с каплей на воротнике. У манжеты засохли чернила. Она держала деревянный ящик так бережно, будто внутри стояли незакреплённые стаканы.

— Эмма Лир, лаборатория клиники, — представилась она, когда я предложила поставить ящик на стойку. — Доктор Сайр прислал записи.

Я позвала Лидию. На этот раз разговор происходил в маленькой гостиной, дверь которой я оставила открытой. Ролл сел на стул с самым высоким подлокотником. Эмма осталась возле окна, держа ящик перед собой, пока я снова не предложила ей освободить руки.

Лидия разложила копии у окна. Напротив имени Ника повторялись строки: вечерняя стабилизация, промывание, повторное наблюдение. На Юлином листе были те же назначения с другими дозами. Ролл откинулся на спинку стула, ожидая, когда мы дочитаем.

— Мне нужны показатели перед процедурами и после них, — сказала Лидия.

— Здесь назначения доктора, — ответил Ролл.

— Назначения я вижу. По каким показателям их делали?

Эмма хотела ответить, но Ролл заговорил первым: полные карты остаются в клинике, получить к ним доступ можно там. Я не поняла, приглашает он одну лекарку или нас вместе с детьми.

— Лидия сейчас нужна здесь, — сказала я. — Пришлите копии нужных страниц.

— Госпожа Эльнер, пансион не может заменить лечебницу.

— Дети пока лежат здесь. Что мешает прислать записи?

Эмма приоткрыла ящик. Внутри лежали флаконы, обёрнутые тканью, и маленький запечатанный пакет. Она подвинула один флакон Лидии, придерживая горлышко пальцами.

— Раствор, который использовали при последнем курсе. Образец. Я сама разливала эту партию.

Жидкость казалась бесцветной, пока на стекло не попал солнечный луч. Вдоль стенки заблестели мелкие точки. Я вспомнила шов Юлиной рубахи и достала мешок с грязной одеждой. Лидия срезала маленький край ткани, положила в стеклянную банку и взяла у Эммы флакон. На этот раз я видела, как она подписывает обе этикетки.

— Он остаётся на одежде? — спросила я.

— Да, после промывания, — ответила Эмма. — Его разводят...

— Все пояснения есть в назначении, — перебил Ролл.

Эмма убрала руки с ящика. Неля иногда стирала бельё с солью, оставлявшей белёсые следы; сам по себе налёт ещё

ничего не объяснял. Лидия попросила оставить образец, и Эмма кивнула, прежде чем Ролл успел ей ответить.

Из нижнего коридора донёсся скрип двери. Ник вышел, прижимая к животу пустую чашку, и остановился, увидев открытый ящик. Ролл привстал со стула.

— Вот и наш молодой пациент. Сейчас уедем, приведём всё в порядок.

Я пошла к Нику. У него побелели губы. Чашку он сжал обеими руками, и на забинтованном пальце проступило красное пятнышко. Мне показалось, что он собирается бросить её, но он только прижал локти к бокам.

— Не сегодня, — сказала я, взяла чашку и поставила на подоконник. — Ты за водой пришёл?

Он кивнул, не отрывая глаз от ящика.

Эмма подняла крышку и тихо её опустила, заслоня флаконы. Потом посмотрела на Ролла. Что-то в её лице изменилось: до этой минуты она слушала спор взрослых, теперь смотрела на мальчика. Она поправила очки, хотя они не сползали, и произнесла:

— Ему сейчас... может быть, сначала...

— Доктор всё объяснил в письме, — сказал Ролл. — Пожалуйста, не задерживайте нас.

Я повела Ника в комнату. Он позволил держать себя за плечо, но у двери высвободился и попросил не оставлять ящик рядом с кроватью. Я сказала, что ящик уйдёт вместе с Эммой. Когда вернулась, она уже застёгивала ремень, а Ли-

дия писала перечень недостающих сведений. Список получился коротким. Ролл взял его двумя пальцами и потребовал письменно отметить наш отказ от передачи пациентов.

Я подписала внизу, рядом с именем Лидии, чувствуя, как перо дрожит между пальцами. Вчера было легко сказать чужому постояльцу, что он может уехать. На этой бумаге стояли имена детей. Если я ошибалась, моей уверенности не хватило бы, чтобы исправить последствия. Я заставила себя прочитать каждую строку ещё раз и только потом вернула лист.

После их отъезда Лидия села, не убрав со стола лекарства.

— Ты можешь посмотреть всё это у них? — спросила я.

— Могу. Но мне нужны копии, а не разговор над чужим столом. И второй лекарь, который подтвердит наши пробы. Я пошлю ему образцы с курьером.

В аптеке приняли пакет с контрольными пробами для окружной лаборатории и выдали мне квитанцию. Я задержалась у прилавка, чтобы сдать пустые бутылки. На лавке рядом двое гостей из «Серебряных ключей» обсуждали вечерние процедуры. Они весело пожелали мне здоровья; я ответила и прошла мимо, пряча квитанцию в карман.

Утро следующего дня началось с Юлиного требования вернуть ей туфлю. Неля принесла детям мягкие домашние

тапочки, найденные в той же корзине забытых вещей. Ник молча надел свои. Юла сунула ногу в правый, решила, что он слишком велик, и попросила свою настоящую туфлю, хотя в одной всё равно нельзя было выйти.

Я присела перед ней с двумя парами на выбор. Девочка отвернулась к стене. От этого маленького отказа меня охватила злость, с которой я справилась хуже, чем со вчерашними посетителями: я не спала толком две ночи, уже потратила деньги, подменила Нелю на лестнице, чтобы та успела постирать, а теперь спорила с ребёнком о тапочке. Я поднялась, поставила обувь у кровати и вышла за водой. На кухне пришлось посчитать до десяти, глядя, как Грета без всякой магии снимает пенку с каши.

— Не надевает? — спросила она.

— Не надевает.

— Пусть полежит. Сегодня ей всё равно далеко ходить нельзя.

Грета положила в отдельную миску ложку варенья и протянула мне. Я чуть не начала объяснять, что сладкое надо согласовать с лекаркой. Потом заметила, что миска моя, с привычным сколом у ручки. Варенье она дала мне.

После завтрака мы с Лидией сменили Юле ночное платье на чистое, в котором ей было бы удобнее сидеть. Я принесла настоящую туфлю. Девочка сама поставила её под кровать и поправила носком к двери, а тапочки разрешила оставить рядом. Пока я вытирала ей лицо, она перебирала пуговицы

на моём рукаве, но руку убрала, стоило мне спросить, куда послать письмо её родным.

— Ник знает.

Брат у окна сжимал медную пуговицу. Я поднесла ему лист, на котором уже стояли их имена.

— Добавим фамилию? Так отцу будет легче вас найти.

Он покачал головой, бросил взгляд на дверь и закрыл пуговицу ладонью.

— Тогда они тоже узнают.

Я убрала лист. В городском извещении уже были возраст, приметы, место, где мы нашли детей. Придётся искать по ним, пока Ник не поверит, что письмо приведёт к нам кого-то ещё, кроме клиники.

К десяти пришёл служащий городского попечительства. Его направила стража проверить, где находятся дети, до установления родства. Он принёс чистый бланк и застенчиво попросил стол: в коридоре ему было неудобно писать. Я посадила его у стойки. Он записал адрес, имя хозяйки, номер комнаты и фамилию Лидии, затем пересчитал выходы и заглянул в умывальную. Ник наблюдал с кровати, Юла делала вид, будто спит.

— Я не записываю, что надо забрать, — пояснил служащий, заметив Ников взгляд. — Записываю, где вы сейчас.

В почтовой конторе уже сверяли извещение с розыскными листами из соседних округов. Я спросила, можно ли ускорить поиск. Служащий предложил добавить новые сведения,

если дети захотят их сообщить, и оставил мне пустую строку внизу копии.

Ник сказал только:

— Нас было двое.

— Это здесь есть, — ответила я.

— И надо написать, что мы живые.

Служащий перестал писать. Лидия наклонилась к Нику, но тот уже смотрел в окно. Я забрала копию и вписала его слова сама. Потом проводила служащего за порог и попросила передать именно эту фразу, даже если в розыскном листе её не будет. Он сложил бумагу отдельно от остальных.

До обеда Ник разговаривать не хотел. Я не стала возвращаться к сказанному, но проверяла окно чаще, чем нужно. Мне представлялся кто-то, получивший дурную весть и всё ещё хранивший детские вещи. Приходилось одёргивать себя: я не знала, о чём говорил мальчик. Быть может, он просто пытался объяснить, что их нельзя оставлять в запертой комнате. Но когда посыльный из почтовой конторы принёс второй вопросник, я позвала его в кухню и дала воды, чтобы он не ушёл, пока я не отвечу на всё, что могла.

Обед детям принесли в комнату. Лидия повторила пробы, записала время сна, количество выпитой воды и обе вспышки первого вечера. Сегодня огня не было. Юла позволила поставить возле себя обычную миску, но ела медленно и после обеда опять уснула. Ник попробовал пройти до умывальной без помощи; я заметила, как он бережёт пятки, и придвину-

ла ему стул к двери. Он постоял возле него и всё-таки сел.

Под вечер Грета отправила меня сменить платье. Я посмотрела на рукав с пятном от бульона и пошла наверх в свою комнату. Она находилась над кухней, была меньше гостиных и летом пахла горячей черепицей. На стуле лежало новое платье для выходного дня. Я собиралась надеть его на прогулку вдоль купален ещё в прошлую неделю, но осталась менять замок у кладовой. Неля справилась бы с кладовой лучше: знала, как открыть дверь, не выкручивая запястье. Расчёсывая волосы, я пожалела, что не ушла тогда гулять, оставив ей ключ.

Внизу хлопнула парадная дверь. Я услышала шаги и вопрос, заданный низким мужским голосом. Сначала решила, что приехал ещё один гость, и поспешно заколола волосы, оставив несколько прядей у щёк. У стойки стоял высокий мужчина в запylённом дорожном плаще. Одна рука была без перчатки; снятую перчатку он сжимал в ней. Борис показывал ему в сторону нижнего коридора, но мужчина не двигался, глядя на закрытую дверь восьмой комнаты.

— Капитан? — позвал он. — Пуговка?

Я остановилась на предпоследней ступени, сжимая перила. Он заметил меня и поднял голову. При его взгляде я выпустила ворот платья, который всё ещё поправляла, и машинально пригладила выбившиеся волосы. Подготовленное «Добрый вечер» так и осталось невысказанным: я услышала, как мужчина тяжело втянул воздух, не дождавшись ответа

ИЗ КОМНАТЫ.

Глава 3. Этот дракон не умеет просить

Засов внизу скрипнул, и я успела спуститься с лестницы, прежде чем Ник открыл дверь. Мальчик стоял в слишком широкой рубаше, опираясь на косяк. Мужчина у стойки шагнул к нему; я оказалась между ними и не знала, что сказать. Всё, о чём мы условились с Лидией, требовало сначала спросить имя и посмотреть бумаги. Но Ник уже смотрел мимо меня, и лицо у него было таким, что я отошла к стене, оставив проход.

— Папа?

Мужчина остановился в двух шагах от него. На дорожном плаще возле застёжки засохла грязь, волосы с сединой у висков были примяты капюшоном. Он протянул руку, но Ник не двинулся.

— Я здесь, — сказал мужчина. — Ник, посмотри на меня.

Из комнаты донёсся стук: Юла сползала с кровати. Я потянулась к двери, опасаясь, что она упадёт, а её отец уже присел, распахивая плащ. Девочка добралась до него, придерживаясь за брата, и повисла на шее. Он подхватил её под бёдра, прижал к себе и закрыл глаза. Снятая перчатка упала у его колена. Юла тёрлась щекой о щетину, словно хотела убедиться, что колется по-прежнему.

— Ты холодная, — прошептал он ей в волосы.

— Немножко. А Ник без туфель был.

Отец поднял голову к сыну. Ник так и остался возле косяка; пальцы, которыми он держался за дерево, побелели. Я придвинула стул, но он не сел. Подошёл к отцу, провёл здоровой рукой по его скуле, задел ухо. Мужчина терпел, держа Юлу так, чтобы она не мешала брату.

— Ты живой?

— Живой.

Ник вдохнул ртом. Я видела, как он силится задать ещё один вопрос, и уже хотела увести всех в комнату, когда мальчик с размаху обнял отца. Тот пошатнулся на корточках, упёрся пяткой в пол и кое-как удержал обоих. У Ника под рубашкой звякнула пуговица. Он зажал её между собой и плащом, будто забыл, что всё это время берег.

Я отступила в гостиную. За открытой дверью было слышно Юлино бормотание, потом тонкий звук, которого я ещё не слышала от Ника. Плакал он негромко, с остановками, будто всякий раз пробовал прекратить. Мужчина отвечал ему так тихо, что слов я не различала. На верхней площадке появилась госпожа Редер. Я подняла палец к губам и указала на столовую. Она поняла, спустилась в мягких туфлях и закрыла за собой дверь.

Борис подобрал перчатку. На дороге всё ещё стояла повозка, из которой теперь выбирался знакомый служащий попечительства. Он взял папку с сиденья и поспешил к нам, заце-

пив колесо полой сюртука. Я вышла встретить его, оставляя детям те несколько минут, которые он потратит на ступени.

— Это их отец? — спросила я.

— В управлении проверили документы. Господин Арден узнал приметы из почтового извещения. Я привёз дополнение к сегодняшнему бланку.

Он протянул мне лист с отметкой конторы. На нём были обе фамилии: та, которую Ник так и не произнёс, и моя. В строке об отце стояло «Кайрен Арден». Ниже было указано воинское звание. Я перечитала его. Про генерала Ардена говорили мои гости, возвращавшиеся с северных дорог; теперь человек с этим именем сидел на полу в моём коридоре, держа двоих детей, а его дорожная перчатка лежала в Борисовой ладони.

Лидия вышла из восьмой комнаты с одеялом. Она подложила его под колено генерала и попросила Ника подтянуть тапочки: пятки выскользнули и касались прохладных досок. Мальчик поправил их носками и спросил, останется ли папа.

— Пока никуда не пойду, — сказал Кайрен.

Юла не дала поставить себя на пол, и он поднялся вместе с ней. Я показала кровать. Он сел на самый край, устроив дочь поперёк своих коленей, а Ник присел вплотную и начал разглядывать застёжку плаща. Оба как будто искали обычное место в давно знакомом порядке; отец всё ещё держал их слишком крепко, пока Лидия не попросила освободить Юлины ноги от тяжёлой ткани.

— Дальше здесь, — сказал он служащему, который остановился у двери. — Всё, что нужно, принесите сюда.

Я посмотрела на грязные сапоги и плащ поверх чистой постели, но промолчала. Борис вернул Кайрену перчатку и ушёл к стойке. Служащий раскрыл папку на столике. Я подошла: обещала Нику проверить пришедшего, даже если теперь он сам не отпускал его рукав.

Кайрен достал из внутреннего кармана потёртый кожаный футляр. Военское удостоверение в нём было новым, семейное свидетельство — сложенным на старых сгибах. На обороте последнего кто-то когда-то нарисовал маленький круг с лучами. Юла указала на него. Отец развернул бумагу рисунком вверх и дал ей посмотреть, пока служащий доставал бланки.

Служащий сверил имена и годы рождения: Ник Арден, девять лет, Юла Арден, шесть. Генерал показал удостоверение мне. С маленького портрета смотрели те же янтарные глаза, которые я увидела, подняв голову.

— Вы хотели проверить, — произнёс он.

— Хотела.

— Проверяйте.

В управлении документы уже сверили с розыскным заявлением Кайрена; мой адрес дописали туда сегодня. Служа-

щий отметил, что отец нашёл детей лично и подтвердил родство. Я подписала сведения о том, где и когда они оказались у нас.

— Извещение пришло по почте? — спросила я Кайрена.

— Сначала доставили в контору, где я оставил заявление. Сегодня меня нашли на нижней дороге. Я проверял деревни вдоль стока от купален.

Он говорил, глядя на Ника. Тот вытащил медную пуговицу из-под рубахи, и отец дотронулся до остатка синей нитки.

— Ты всё ещё носишь?

Мальчик кивнул.

— Я не отдал.

— Никто бы не взял, — сказала Юла. — Марта суп так дала.

Кайрен задержал на мне взгляд. Под глазами у него были тёмные круги, возле подбородка — мелкая царапина. Я хотела сказать, что суп не стоит обсуждения, но он уже спрашивал:

— Что вы знали о них?

— Имена. Что бежали из клиники, поняла по тому, кто за ними пришёл. Найти их родных помогли стража и почта.

Юла подняла голову.

— Ты нас искал?

— Искал, Пуговка.

— Там сказали, больше не приедешь.

Ник прижал пуговицу к груди. Генерал замер, и я увиде-

ла, как под Юлиной спиной натянулся его рукав. Лидия взяла с подоконника чашку, поднесла девочке. Кайрен ослабил руку, давая ей пить, и только тогда ответил:

— Я приехал. Теперь будем разбираться.

Он вытащил из футляра ещё одну бумагу. Она была мятая, надорванная по сгибу; к нижнему краю пристала тёмная крошка сургуча. Я увидела название клиники и дату двухнедельной давности. Читать дальше при детях не решилась. Генерал протянул лист служащему, наклонился к сыну и сказал, что ему нужно поговорить с нами в гостиной.

— Дверь останется открытой. Я буду видеть твою кровать отсюда.

Ник зажмурился, но Юла уже тянулась к подушке, едва удерживая чашку. Кайрен помог ей лечь, снял с себя плащ и повесил на спинку стула. Мальчик не отпустил его сразу. Пришлось подождать, пока пальцы разжались сами. Я вынесла в гостиную лампу и поставила её так, чтобы свет попадал в коридор.

В сообщении было написано, что Ник и Юла погибли при ночном пожаре в лечебном корпусе. Следом шёл перечень вещей, по которым их якобы опознали, и отметка, что останки нельзя предъявить семье для обычного опознания. Промедную пуговицу там тоже говорилось: её записали как найденную возле кровати старшего ребёнка. Я вспомнила, как мальчик прятал её от меня в сарае, и дочитала уже стоя.

— Вы её не видели? — спросила я.

— Мне показали другую. Ту, что у сына, я сам дал ему перед отъездом. У неё сбит край. Посмотрите, если Ник решит.

— Не нужно сейчас.

Кайрен потёр лицо. Без плаща он оказался в простой дорожной рубашке; на манжете светлела полоса от снятого форменного знака. Он не спорил, хотя явно готов был немедленно привести сына и показать нам пуговицу.

— Пожар был, — продолжил он. — Я осмотрел сгоревшую часть. Но вещи не совпадали. Юлину сорочку мне выдали чужую, с чужими метками. Сказали, что в спешке перепутали мешки с бельём. Потом говорили, что я мешаю работе, заставляя людей снова и снова вспоминать беду. Я подал розыскное заявление. Его приняли отдельно от сообщения клиники.

Служащий спросил разрешения снять копию сообщения. Я дала ему бумагу. Пока он переписывал документ, Кайрен смотрел в сторону коридора.

Мне хотелось спросить, кто всё это подписал и почему к нам присылали Ролла, если отец две недели ходил по дорогам. Вместо этого я рассказала про оба визита: разрешение на сопровождение, одеяло, ящик Эммы, копии назначений. Кайрен слушал, не перебивая, только на слове «вернуть» повернул голову ко мне.

— Их называли пациентами? О гибели ничего?

— Ничего.

— Когда были в последний раз?

— Вчера после обеда.

Он поднялся так быстро, что ножка стула ударила по полу. В восьмой комнате Ник сел на кровати. Кайрен увидел его в открытой двери и остановился, придерживая спинку стула обеими руками.

— Сегодня я никуда не уйду, — сказал он сыну. — Ложись. Мы ещё разговариваем.

Ник лёг, но оставил руку на краю матраса. Кайрен дождался, когда мальчик уберёт её, и снова сел. Я налила ему воды. Он взял стакан, сделал глоток и поставил точно на мокрый кружок, оставшийся от моего кувшина. Служащий закончил копию, вернул оригинал Кайрену и сообщил, что утром сведения о найденных детях внесут в оба дела. Теперь клинике придётся объяснить, на каком основании отправлено прежнее сообщение. Ответ мы не могли получить за этим столом.

Я проводила чиновника и пошла в кухню. Грета снимала с плиты кастрюлю; пахло укропом и жареным хлебом. От этого привычного запаха у меня защипало глаза. Я вымыла руки, взяла три чистые миски. Кухарка переложила хлеб на блюдо и спросила, будет ли новый гость ужинать.

— Не знаю. Но поставить надо.

Когда я вернулась с ужином, Кайрен сидел у дочерней

кровати без сапог. Их он оставил возле двери, аккуратно придвинув к стене, и теперь пробовал расправить маленькое одеяло: Юла прижимала один край к животу, другой съехал к ногам. Ник уже спал. На его столике лежала медная пуговица вместе со шнурком; впервые с нашего знакомства он снял её сам.

Генерал поднялся навстречу подносу. Я передала ему блюдо с хлебом, но он взял всё разом и поставил на стол. Кисть у него была широкой, с белыми отметинами у костяшек; моя ладонь задержалась под ручкой подноса, пока я не вспомнила, что больше не держу его. Я отошла к окну и поправила створку, хотя она не требовала поправки.

— Вам тоже налили, — сказала я. — Грета не знала, что вы едите.

— Что дадут.

Юла потянулась с постели, и Кайрен немедленно придвинул к ней миску. Лидия остановила его, положила подушку девочке под спину и дождалась, пока та сядет. Мне было приятно увидеть, что генерал не возражает лекарке; он только отодвинул хлеб, освобождая место. Когда Юла попыталась удержать ложку и кусок сразу, отец подхватил упавшую корочку, переломил её пополам и вложил девочке в руку часть поменьше.

— Палец откуда? — спросил он у меня, указав на Никову повязку.

Я рассказала про чих, горящее полотенце и треснувшую

миску. Он сдвинул свой стул ближе к сыну. Ник во сне открыл рот; Кайрен смотрел на него, пока Лидия не сказала, что ожог поверхностный и она обрабатывает его каждый день. Тогда он вернулся к собственному ужину, хотя ел так медленно, что Юла успела закончить первой.

Лекарка убрала миску и села напротив нас со своими записями. Кайрен сразу назвал дорогу, по которой хотел уехать утром. В столице был семейный врач, в доме — знакомая детям спальня. Я начала прикидывать, что завернуть им на дорогу, прежде чем вспомнила, как Ник сегодня не дошёл до умывальной.

— Сколько займёт путь? — спросила Лидия.

— В повозке четыре дня. Но мне не обязательно везти их в повозке.

— Перелёт сейчас опаснее.

— Я их носил раньше.

Лидия разложила два листа. Возле имён стояли отметки дней и значки, которых я не умела читать. Она показала Кайрену шкалу и сегодняшние повторные результаты: для дороги дети ещё не восстановились. Юла забралась под одеяло с головой.

— Им нужно оставаться там, где можно спокойно спать и есть, — объяснила Лидия. — В тесной повозке Ник снова начнёт следить за сестрой вместо отдыха. Любая вспышка возьмёт то, чего у них и так почти нет. С перелётом будет ещё труднее: страх высоты, холод, необходимость держаться.

Вы сильнее обоих, но ваш резерв не станет их резервом, если вы посадите их себе на спину.

Кайрен провёл пальцем по линии, обозначавшей Юлину пробу.

— Сколько осталось?

— Мало. Я сравнивала дважды. Для независимой проверки образцы отправлены в окружную лабораторию. Ответа ещё нет, но откладывать покой до ответа я не собираюсь.

— И вы предлагаете мне ждать здесь?

— Предлагаю не отправлять их в дорогу завтра. Дальше решим по наблюдениям.

Кайрен отодвинул тарелку. В окно была видна белая крыша клиники сквозь листву; я закрыла занавеску.

— Мне нужно выбрать другое место, — сказал он. — И людей, которые смогут обеспечить безопасность.

— Сегодня дети могут остаться здесь, — ответила я. — Завтра поговорим о следующем дне. Переносить их сейчас с постели на постель незачем.

Он посмотрел на меня, и я расправила плечи. В столовой ждали горячей воды, Неле нужен был новый список белья. Я могла дать Кайрену время решить, что делать дальше, но отставить все свои дела и заняться только им не могла.

— Первую комнату освободят завтра к полудню, — продолжила я. — Сегодня отдельной нет. У нас есть складная постель, можно принести сюда.

— Запишите обе комнаты на меня.

— Первую можно будет занять только после выезда постояльца.

— Тогда принесите постель.

Я посмотрела на Юлину кровать. Кайрен проследил за моим взглядом и на секунду закрыл глаза. Когда открыл, голос стал тише:

— Я понял. Госпожа Эльнер, можно мне остаться с ними на эту ночь?

— Можно. Я принесу бельё. А завтра решим с комнатой.

Лидия оставила Кайрену выписку результатов. Он спросил про питьё, еду и ночную дрожь. Юла высунулась из-под одеяла, требуя чашку с отбитым листочком на боку. Я нашла её на подоконнике, а Кайрен налил из бутылки, которую указала лекарка.

Борис принёс из кладовой узкую складную постель. Я взяла бельё. Кайрен разобрался с постелью сам, а столик мы передвинули вдвоём, чтобы Ник мог ночью выйти. Загибая край простыни, генерал засучил левый рукав, и я увидела старую полосу ожога на предплечье. Он заметил мой взгляд, но Юла уже спрашивала, где будет его голова. Кайрен указал на подушку. Девочка довольно кивнула: с её кровати это место было видно.

У двери я объяснила, как позвать нас ночью. Лидия собиралась поспать в гостиной; моя комната находилась над кухней. Кайрен задал короткий вопрос про второй выход. Я показала направление, и он вышел со мной в коридор, оставив

дверь распахнутой.

Он заметил, как я подавила зевок, и отступил, освобождая проход к лестнице.

— Идите спать. Сегодня их слушаю я, — сказал Кайрен. — Спасибо за извещение. И за то, что не отдали.

Я кивнула. Пришлось вернуться за пустым подносом, о котором совсем забыла. Кайрен встретил меня у двери со сдержанной улыбкой и передал его, не спрашивая, почему я хожу туда и обратно. Из комнаты слышалось сонное Юлино бормотание: она звала отца, чтобы он ещё раз показал, где собирается лечь. Он сразу повернулся к ней.

Утром я проспала стук Нели и вышла к стойке, когда в столовой уже звякали ложки. Грета оставила завтрак у плиты. Постоялец из первой комнаты отодвинул полуденный выезд ради последней купальни. Я отправила Нелю сменить бельё в остальных и оставила для генерала строку в журнале.

Кайрен пришёл к стойке, когда я убирала пустую тарелку. На нём была та же рубашка, но ворот он отмыл, а тёмные волосы пригладил водой. Без дорожной грязи лицо выглядело старше: около глаз обозначились складки, седина стала заметнее. Он положил футляр рядом с журналом и спросил, как называется улица. Я показала на табличку у окна; Кайрен начал писать адрес на небольшом листе.

— Для кого? — спросила я.

— Чтобы мою почту приносили сюда. В конторе остались сведения, по которым меня искали на дороге. Теперь я буду здесь.

Я нашла ему конверт. Кайрен сложил письмо, отложил его и придвинул гостевой журнал.

— Здесь?

— Вот эта строка. Фамилия, имя, откуда прибыли. Дату я поставлю.

Перо царапало бумагу. Почерк у него был крупным, с нажимом, совсем не таким, как в копиях из клиники. Кайрен дошёл до графы о сопровождающих, остановился и вписал обоих детей. Я опустила глаза к строке, пока он ещё держал перо, и пожалела, что не подождала. Он не убрал журнал, только дописал Юлино имя чуть мельче, чтобы поместилось.

— Остальных родственников ждать? — спросила я. — Мне надо знать про комнаты.

— Нет. Моя жена умерла четыре года назад. Сейчас придет только мой багаж, когда мне удастся его забрать.

Я подняла голову. Он держал ладонь поверх закрытого футляра. Я сказала, что вещи можно привезти через задний вход, и повернула к нему схему комнаты.

— Вы всех гостей встречаете схемой? — спросил он.

— Только тех, кто ночью спрашивает про выходы, а утром — про адрес.

Он провёл пальцем по нарисованному окну, взглянул на

меня и улыбнулся. Я отметила новый заезд. Кайрен забрал конверт и пошёл в контору, пока Лидия осматривала детей. Сначала объяснил им, куда идёт; Ник спросил, сколько это займёт. Отец ответил и пообещал сообщить, если задержится.

Он вернулся вовремя, чтобы помочь Борису вынести сундук из первой комнаты. Из-за стойки я видела, как генерал подхватывает тяжесть там, где Борис просит, слушая ворчание уезжающего жильца про опоздавшую повозку. Пыль снова легла на вымытый рукав.

После смены белья я отнесла в первый номер ключ. Комната находилась напротив восьмой, через несколько шагов по коридору; окно выходило на сад, кровать была одна. Кайрен открыл дверь, впустил меня и остановился у шкафа, пока я проверяла, не оставил ли прежний гость чего-нибудь на верхней полке. На ней лежал носок. Я сняла его двумя пальцами и понесла к двери.

— Здесь ещё кто-то будет? — спросил генерал, кивнув на носок.

— Только если он вернётся за своей половиной имущества.

Кайрен рассмеялся, удивив меня звуком смеха. Он прошёл к окну, проверил защёлку и обернулся, когда я задержалась на пороге. Мы впервые оказались вдвоём в комнате с закрытой дверью: створка сама притянулась на тугой пружине. Это был мой дом, я входила сюда сотни раз, но сейчас по-

чему-то отлично слышала, как шелестит листва за стеклом.

— Я хотел спросить, что здесь нужно заменить после вспышек, — сказал он. — Счёт за разбитое и испорченное тоже будет мой.

— Пока только миска и полотенце. Я запишу.

— Запишите всё.

Я убрала носок в карман передника, надетого поверх чистого платья. Прикинула, сколько придётся внести в этот счёт: вода, еда, испорченная посуда. Кайрен дождался, пока я подниму голову, и добавил:

— Мне проще, если у вас будут записи. Я не хочу гадать, чем ещё обязан.

— Тогда обсудим проживание завтра. Сегодня я сведу расходы. Вы успеете узнать, удобно ли вам здесь.

— Удобно.

Он сказал это, глядя на меня, хотя не сел ни на кровать, ни на стул. Я отвела глаза к ключу, лежавшему на его ладони, и спросила, нужна ли вторая подушка. Кайрен ответил после небольшой паузы:

— Нет. А где держать мокрые вещи?

Я показала крючки за дверью. Разговор вернулся к полотенцам и белью, но неловкость не исчезла совсем. Он держал ключ, стоя рядом. Мне хотелось остаться здесь ещё немного, хотя проверять мебель было уже незачем. В коридоре Неля звала Бориса; я открыла дверь, ответила ей и сказала генералу, когда подадут ужин.

— Дети едят в комнате, — предупредила я. — Если Лидия разрешит выйти, скажет сама.

— Я принесу им поднос.

— Сначала заберите его у Греты. Она сердится, когда кто-нибудь берёт с плиты до того, как еда готова.

Он чуть склонил голову, запоминая это распоряжение с той же серьёзностью, с какой слушал лекарку. Я ушла к стойке. Вечером встретила его у кухни: Кайрен стоял с пустым подносом, ожидая Гретиного разрешения. Кухарка ставила на него миски и объясняла, какая принадлежит Юле. Он выслушал, придержал блюдо с хлебом, чтобы не съехало, и понёс ужин в нижний коридор. Я осталась наливать чай постояльцам. Из коридора донёсся его голос — он спрашивал у Ника, куда лучше поставить поднос, — а Грета подвинула ко мне свободную чашку и чайник.

Глава 4. Генерал за кухонным столом

На следующее утро я застала Кайрена в кухне перед ящиком с ложками. Он был уже выбрит, в чистой рубашке, которую вчера привезли вместе с дорожным сундуком. Генерал держал три ложки и пытался уложить их на поднос так, чтобы ни одна не съехала. Рядом Грета процеживала молоко. Время от времени она отодвигала его локоть, добираясь до миски, но выставлять гостя из кухни пока не собиралась.

— Глубокие тарелки справа, — сказала я, снимая передник с крючка. — А эти ложки большие. Юла свою вчера оставила на столике.

— Уже забрал. Эти для нас.

Он показал маленькую ложку, лежавшую у края подноса. На мгновение мне стало неловко от того, как уверенно я его поправила. Потом я увидела три больших и спросила, на кого рассчитана третья.

— На вас, — ответил Кайрен. — Вы ещё не завтракали.

Из коридора показался Ник, ведя сестру за руку. Юла была в мягких туфлях из принесённого багажа: обе на месте, обе застёгнуты. До кухни они дошли медленно.

— Лидия вчера велела сегодня попробовать дойти до стола, — сообщил Ник. — Если Юле трудно, обратно.

Кайрен поставил поднос. В столовой накрывали для тех, кто собирался на раннюю прогулку, а наш кухонный стол пока пустовал: Борис ушёл за хлебом. Я выдвинула для Юлы стул, подложила на сиденье сложенное покрывало. Генерал усадил её сам и подвинул ноги девочки на нижнюю перекладину, чтобы не висели. Ник выбрал место с краю, поближе к двери.

— Здесь едят работники? — спросил Кайрен.

— Да. Когда успевают.

Он посмотрел на свою третью тарелку. Я вдруг ясно представила, как весь завтрак буду стоять возле них с половником, подбирать упавший хлеб и отвечать на вопросы. Сняла с плиты кофейник и села напротив. Грета переложила кашу, буркнув, что я хотя бы сегодня не стану пить натошак.

Кайрен разломил детям хлеб. Юлину кружку отодвинул от локтя, достал из кармана часы на цепочке и спросил, в какое время обедают. Грета назвала час. Он уточнил, всегда ли точно, и кухарка замерла с ложкой над кастрюлей.

— Если суп закипел, — сказала она.

Я скрыла улыбку за чашкой. На столе у Кайрена всё лежало ровно: хлеб вдоль края тарелки, ложка параллельно ножу. Ник повторял его движения. Юла окунула палец в молочную пенку, лизнула и оставила на столе белую запятую.

— Ешь ложкой, Пуговка, — сказал отец и подал ей салфетку. — Ник, локти убери. Сначала горячее.

Мальчик отнял руку от столешницы. Повязка на большом

пальце задела тарелку; Ник придержал её второй ладонью. Я подвинула к нему хлеб и взялась за кашу, заметив, что Кайрен смотрит на меня.

— Что-то не так? — спросил Кайрен.

— У нас за этим столом локти иногда разрешаются. Крышка качается, Борис всё обещает поправить.

Генерал нажал на край. Моя чашка дрогнула, кофе плеснулся на блюдец. Он тут же убрал руку, а Грета бросила на стол тряпку с таким видом, будто добила окончательного подтверждения давно известной истины.

— Я попрошу его заняться этим сегодня, — сказал Кайрен.

— Попросите. Только сначала он чинит ступеньку у заднего входа.

Кайрен кивнул и вернулся к завтраку. Я успела съесть половину каши тёплой. Юла вздохнула, прислонилась боком к отцу и заявила, что ходить до кухни хорошо, а обратно очень далеко. Он поставил часы возле тарелки циферблатом вниз и предложил отнести её, когда доест. Девочка задумалась и отодвинула миску на ширину пальца.

— Тогда я ещё посижу.

За дверью столовой требовали сахар. Я поднялась, но Кайрен удержал сахарницу, за которой я потянулась.

— Его можно передать из окна?

Он протянул её на полку в открытом кухонном окошке; я назвала гостью, где взять ложечку, и снова села. Допила кофе,

слушая, как Юла объясняет отцу, почему её хлеб обязан лежать целым. Ник перестал выравнивать свой кусок по краю тарелки и взял его обеими руками.

После завтрака Кайрен отнёс Юлу в восьмую. Ник дошёл сам, но прилёг, едва оказавшись у своей кровати. Складную постель Борис утром убрал: теперь отец спал напротив, в первой, оставляя на ночь обе двери приоткрытыми. Я шла к Неле с кипой наволочек, когда услышала генеральский голос.

— Встань. Нужно умыться и сменить рубашку.

На пороге я остановилась. Кайрен держал чистую одежду, Ник сидел на кровати, не глядя на неё. У мальчика были красные уши; он тянул носок на ту ногу, с которой только что снял. Юла застыла с хлебной корочкой в кулаке.

— Я уже умывался, — сказал Ник.

— Лицо — да. А шею? И за ушами?

Кайрен повесил рубашку на стул, шагнул к умывальной перегородке. Ник мгновенно поднялся, сжимая носок и протягивая другую руку сестре. Отец взял с полочки флакон жидкого мыла, синий и квадратный, какой Грета покупала для всего дома.

— Не надо, — выговорил мальчик. — Я чистый. Я помню, как надо.

Кайрен обернулся. Ник стоял слишком прямо, прижав плечи к ушам. Генерал перевёл взгляд на флакон и поставил его. Я притиснула наволочки локтем и постучала по открытой двери, чтобы меня заметили прежде, чем я войду.

— Неля сегодня меняет полотенца. Ваши забирать?

Ник отрицательно замотал головой. Я положила бельё на свободный стул и открыла шкаф с запасными полотенцами.

— Можно взять чистое отсюда, — сказала я. — А это пусть остаётся.

Я достала одно полотенце, показала и оставила рядом с рубашкой. Кайрен сел на край Никовой постели, не пытаясь усадить мальчика рядом.

— Ник, я хотел, чтобы тебе было удобнее в свежей одежде, — сказал он. — Мы никуда не идём. Мыло могу убрать совсем.

Мальчик посмотрел на перегородку, потом на отца. Носок он всё ещё держал в кулаке. Я присела к упавшей наволочке, стряхнула с неё пыль; пока поднималась, Ник снова сел. Между ним и Юлой оставалось место на одеяле.

— Тебе удобно лежать в этой рубашке? — спросила я.

Он провёл ладонью по животу, нащупал жёсткую складку и качнул головой. Кайрен взял новую, развернул и подождал. Я вышла с бельём в коридор. Из комнаты донеслось тихое «эту?»; мальчик что-то ответил. Я отнесла наволочки Неле и вернулась за оставленной на стуле запиской о белье. Ник уже лежал в чистом, держа обе ладони над одеялом. Отец

поправлял рукав вокруг повязки.

Он проводил меня до двери и остановился у стены, пропуская Нелю с ведром.

— Раньше я говорил ему так же, — произнёс он. — Он мог поспорить четверть часа из-за одной рубашки.

— Сейчас спорить трудно.

— Вижу.

Генерал смотрел в комнату. Я собиралась объяснять ему ещё — про быстрый шаг, про руки над кроватью, — но удержалась. Он сам остановился, увидев лицо сына.

— Вы предложили ему выбрать. Помогло.

— Вы спросили, удобно ли ему. Я спросил, вымыл ли он шею.

— Я бы тоже спросила про шею, если бы он жил у меня девять лет.

Кайрен посмотрел на меня. За его плечом Ник подтягивал к себе подушку; Юла уже ковыряла корочку над одеялом. Я добавила, что после бегства сама едва не отнесла их прямым в умывальную. Не понравилось, как они пахли, решила устроить всё правильно и вовремя увидела их лица.

— Вы заметили раньше, — сказал он.

— У меня тогда не было причин ждать прежнего Ника.

Он вернулся к детям. Я забрала записку и пошла дальше.

Лидия пришла ближе к полудню. Осмотрела палец, сменила повязку и позволила детям немного посидеть в саду после отдыха. Кайрен спросил про дорогу ещё раз. Лекарка от-

ветила, что на ближайшие четырнадцать дней им нужен щадящий распорядок и наблюдение; срок пересмотрят по повторным пробам. Я записала в гостевом журнале, что комнаты пока заняты до следующей проверки. Ник спросил, будут ли его снова отвозить вечером. Отец ответил, что сегодня они останутся здесь, и попросил показать, где сын хочет поставить привезённый сундук с одеждой.

Пока Лидия оставалась с детьми, Кайрен принёс к стойке свои бумаги. Я отвела его в маленькую комнату за кухней, где хранила счета и сухие припасы. Там хватало места для двоих, если один не пытался одновременно открыть шкаф. Поставила на стол гостевую книгу, но генерал придержал её обложку.

— До счёта я хотел кое-что сказать.

Я убрала перо. Кайрен выложил из футляра сложенный лист. Вверху стояло название клиники; ниже, возле последней строки, чернила были темнее остального текста.

— Моё согласие на курс. Копия, которую мне оставили при поступлении. Вы искали подпись родственника.

До сих пор я представляла, как детей привезли в лечебницу без ведома отца. Подпись стояла ясная и крупная; такую же я вчера видела в своём журнале.

— Значит, они получили разрешение от вас.

— На лечение. Да.

В углу пахло сушёной мятой. За кухонной стеной Грета двигала кастрюли; под этим привычным шумом было легче выдержать паузу. Кайрен не стал забирать лист. Я прочитала строки о наблюдении, купальнях и стабилизации первых вспышек. Упоминание вечерних процедур находилось почти внизу, среди питания и сна. Ни одного показателя, который требовала Лидия, на бумаге не было.

— Что случилось до курорта? — спросила я.

— У Ника пошёл огонь. Он испугался сам, обжёг край письменного стола. Через несколько дней Юла заморозила воду в стакане. Стекло лопнуло, она порезала ладонь. Наш врач осмотрел обоих. Сказал, что первые вспышки могут быть болезненными и лучше пройти короткий курс там, где занимаются именно этим.

— А вы должны были уехать?

Он кивнул.

— Служебный выезд уже назначили. С врачом они были знакомы с рождения. Он ездил в «Серебряные ключи», привёз рекомендации других врачей. Я тоже приехал туда до отъезда. Мне показали спальню, двор, занятия. Ник проверил, есть ли книги. Юла выбрала кровать у окна.

От последних слов мне сделалось нехорошо. Юла успела так же рассмотреть другую комнату и решить, что там можно спать.

— На показанном этаже всё было открыто, — продолжил

Кайрен. — Я спросил, смогу ли навещать их после возвращения. Мне назвали часы. Мне присылали письма, пока я был в отъезде. В первых двух говорилось, что дети хорошо переносят курс. В последнем — про пожар.

Я провела ногтем по краю его согласия, разравнивая загнутый уголок.

— Их забрали в другое отделение позже?

— Не знаю. В документах, которые мне дали после пожара, нет перевода. Я видел только тот корпус, куда привёз их. О внутреннем порядке мне объясняли врачи. Я не проверял каждый замок.

Мне хотелось спросить, почему не нашлось никого, кто остался бы с ними. Я удержала вопрос. У меня перед глазами были последствия, которых Кайрен тогда не видел.

— Ник знал, что вы уезжаете по службе?

— Знал, когда я собирался вернуться. Я называл день.

Кайрен сел на второй стул, который я до этого не предложила. Нога стула зацепила коврик, и он наклонился расправить его. Я подвинула футляр подальше от края. На столе между нами остался подписанный лист.

— Сегодня он услышал мой голос и встал, как на проверку, — сказал генерал. — Я сам привёз его туда. Потом не пришёл в обещанный день. У меня были причины, у него — только пустое место у двери.

Я вспомнила, как при встрече Ник трогал его щёку. Сказала об этом: мальчик проверял, жив ли отец, и держался за

него, когда уже убедился. Кайрен опустил глаза к своим рукам. На большом пальце сохранился след от чернил; он растёр его, но только размазал.

— Мне хочется сейчас забрать их так далеко, чтобы никто из клиники не нашёл.

— Я бы тоже этого хотела, — ответила я. — Лидия объяснила, почему придётся подождать.

— Вы не спрашиваете, почему я всё-таки оставил их.

Грета за стеной выругалась насквозняк. Я дождалась, пока стихнет грохот крышки, и ответила:

— Я хотела спросить. Но вы уже сказали, кому доверяли и что видели. Я не была там. Сейчас мне важно знать, что вы будете делать здесь.

Кайрен долго смотрел на меня. Я ощутила тепло под воротом платья и потянулась к перу, хотя ещё ничего не собиралась записывать. Генерал взял копию согласия, сложил по прежним сгибам.

— Останусь. И узнаю, что им делали после моего отъезда. Мне нужны люди, которые не работают на Сайра.

— У вас уже есть Лидия.

— И вы.

Я положила перо. От такой прямоты было легче возразить, чем улыбнуться, и я всё-таки возразила: о лечении я ничего не знаю. Кайрен покачал головой.

— Я это понял. Вы не стали обещать мне, что завтра всё пройдёт.

Мне хотелось ещё посидеть с ним и поговорить о чём-нибудь, что не требовало документов. Я всё-таки раскрыла книгу расходов: список лежал между страницами с утра.

Кайрен придвинул стул ближе, чтобы видеть цифры. Я объяснила про две комнаты: по три серебряных за ночь, питание отдельно, вода и бельё — по обычному порядку. За первую комнату счёт начинался со вчерашнего дня. Детские расходы до его приезда я выписала отдельно, а первый суп в них не внесла. Нику в сарае я обещала, что платы за него не будет.

— Неделью вперёд можно? — спросил Кайрен.

— Можно. Начиная с сегодняшней ночи — сорок два за обе комнаты. Если придётся уехать раньше, верну за оставшиеся.

Он достал кошелёк, отсчитал монеты. Я прижала первую кучку линейкой, чтобы не раскатились, пересчитала и выписала квитанцию. Уже понесённые расходы он оплатил по отдельной записи: проживание, еду, бутылочную воду, миску и кухонное полотенце. За ночную складную постель я ничего не прибавила. Лидияставляла свой счёт сама; Кайрен записал её адрес, чтобы договориться об оплате наблюдения напрямую.

Медные мелочи от сдачи лежали у него в ладони. Он убрал

их, прочёл мою запись и спросил:

— Кто остаётся с ними, когда я уйду?

Я отложила линейку. Хотелось ответить быстро и приятно: я, конечно, куда они ещё денутся. Потом пришлось бы отменить поездку за запасами и сердиться на людей, которым сама всё разрешила.

— Если уходите надолго, это нужно устроить заранее, — сказала я. — У меня восемь комнат. Я могу заглянуть, пока дети спят, или принести то, что им нужно. Целый день с ними не проведу.

Кайрен положил квитанцию на стол.

— Можно нанять человека из города?

— Наверное. Я не подберу его за вас. Сейчас они боятся незнакомых; сперва поговорите с Лидией и с ними. Грета занята кухней, Неля убирает. Борис тоже не сможет отказаться от всей работы.

— А вечером?

— Вечером вам легче быть с ними самому.

— Я могу заказать им подносы в восьмую? — спросил он.

— Да. Когда вам нужно, скажите Грете. Отнести мы можем, если вы заняты. Только не ждите, что я угадаю, где вы и когда вернётесь.

— Значит, предупреждать буду и вас.

Я кивнула. Он поднялся, но вместо того, чтобы забрать футляр, посмотрел на меня сверху вниз. Мне пришлось откинуться на спинку, и Кайрен это заметил. Вернулся на стул.

— Марта, если бы вы хотели, чтобы мы искали другой дом, вы сказали бы?

От собственного имени в его голосе я потеряла начало приготовленной фразы. Он впервые произнёс его без «госпожи» и ждал, не торопя.

— Сказала бы. Комнаты заняты вами на тех же условиях, что другими. Вы можете оставаться, если детям здесь подходит.

— А вам?

Я вертела перо между пальцами. Удобно было опять заговорить о расходах, но мы их только что оплатили.

— Я рада, что их нашли, — сказала я. — И что они больше не ждут вас в одиночку. А вчера вы занесли сундук и сами отнесли ужин. Мне стало легче.

— Я могу и сегодня.

— Тогда попросите Грету положить вам тоже. Вчера она поймала вас за хлебом, когда уже гасила плиту.

Он рассмеялся вполголоса. Я невольно улыбнулась, вспоминая строгую кухарку с половником перед человеком, который занимал какое-то немыслимо высокое место в войске. Кайрен смотрел на моё лицо, пока я не опустила глаза к книге. Потом забрал бумаги и спросил, можно ли встретить лекарку здесь: дети не должны слушать разговор о запросах. Я согласилась и назвала часы, когда сама собиралась отлучиться на почту.

— Возьмите завтрак перед уходом, — сказал он.

— Я уже завтракала.

— Тогда обед. Здесь его выдают, когда суп закипел.

Я посмотрела на часы над дверью. Обед и вправду был близко. Провожая Кайрена, я нашла в коридоре Нелю и отдала ей список белья, не вычёркивая из него свои собственные простыни. Ещё вчера собиралась обойтись ими до конца недели.

После обеда служащий попечительства прислал уведомление: сведения о детях исправлены, сообщение о гибели приложено к делу как требующее проверки. В клинику ушёл запрос об основании этой записи. Ответа пока не было. Я передала конверт Кайрену и оставила у себя копию подтверждения, что временная опека пансиона закончилась: Ник и Юла снова находились под ответственностью отца.

Лидия пришла в условленный час. Разговор перенесли в комнату за кухней, а дети дремали в восьмой; двери стояли открытыми, и мы слышали их оттуда. Я занесла воду, показала Кайрену, как позвать Грету, и ушла принимать новый заезд. Когда вернулась, лекарка складывала бумаги в чемодан. На столе лежали два конверта, подписанные рукой генерала, и его копия согласия.

— Окружные пробы пусть приходят вам, как и было, — сказал он Лидии. — Мне нужна копия результата. А здесь пе-

речислите, чего не хватило в присланных назначениях. Своими словами, я не буду поправлять.

Она прочла подготовленный им запрос. Убрала одну фразу, объяснив, что по имеющимся образцам не может установить причину истощения, и вписала сведения о повторных пробах. Кайрен не возразил. Я видела, как он зачеркнул уверенное утверждение и оставил ниже место для её подписи.

На следующее утро он понёс заявление в королевскую судебную канцелярию. Семейному врачу сообщил письмом, что дети живы, и просил прислать исходные записи осмотров и рекомендацию курса. Условился с Лидией, что та останется у детей, объяснил Нику, куда идёт, и показал часы, по которым вернётся. Мне не пришлось откладывать приём белья из прачечной; я успела разобрать и корзину со щавелем, прежде чем в коридоре снова зазвучали его шаги.

Кайрен принёс отметки о приёме. Заявление зарегистрировали, приложив копии; когда назначат проверку, сообщить ещё не могли. Генерал убрал квитанции в футляр и пошёл к детям. Я слышала, как он рассказал Нику, что успел вернуться, потом Юла потребовала убрать цепочку от часов: звено цеплялось за её кудри, когда отец брал её на руки.

Вечером он читал им привезённую книгу. Я проходила мимо с чистым бельём и заметила, что страницы лежат у него на коленях неподвижно: Юла уснула, Ник ещё смотрел в раскрытый разворот. Отец ждал, пока мальчик сам перевернёт. Из сада тянуло тёплой травой. Я постояла у двери, держа по-

лотенца на весу, и пошла дальше до того, как Кайрен поднял голову.

На следующий день после обеда я обнаружила его там же, уснувшим на стуле. Книга лежала на полу, дети спали в своих кроватях. Я подняла её, и Кайрен открыл глаза. Несколько мгновений он смотрел на меня, не узнавая комнату.

— Я слышал шаги.

— И поэтому проснулись.

— Долго лежала?

— Книга? Не знаю. На обложку никто не наступил.

Он потёр лицо. На щеке остался след от жёсткого воротника. Я положила книгу на стол и заговорила шёпотом: собираюсь отдыхать полчаса в саду, дети спят, он может оставить дверь своей комнаты открытой и прилечь напротив. Кайрен посмотрел на постели, затем на меня.

— Вы тоже умеете отдыхать?

— Полчаса. Иногда до вечера это лучший мой замысел.

Он тихо рассмеялся и поднялся, бережно переступив через край Никового одеяла. Я хотела было поправить его сама, но Кайрен уже наклонился, подвернул ткань и подождал, пока мальчик перестанет шевелиться. В коридоре мы вышли почти одновременно. Он пропустил меня к садовой двери; я обернулась, чувствуя, что улыбаюсь без всякой причины, которую можно было бы сообщить кухарке.

К вечеру он успел выспаться. У кухонного стола, который Борис уже укрепил, Ник рисовал корабль. Отец держал

Юлу на коленях, отделяя пальцами спутанную прядь. Девочка морщилась, но не отворачивалась.

— Голову пора вымыть, — сказал он.

Юла посмотрела на меня. Я стояла у плиты с Гретиным списком покупок и уже приготовилась сказать, какое мыло взять. Девочка взяла отцовскую ладонь и прижала к макушке.

— Ты сам. Хорошо?

Кайрен ответил не сразу. Я успела заметить его вопросительный взгляд, достала из шкафа чистое полотенце и положила у свободного края стола. Он взял его, спросил, где держат кувшин для ополаскивания. Я показала полку. Юла осталась сидеть на его коленях, пока отец разглядывал широкую ручку, примеряя её к ладони. Потом он спросил, не против ли дочь, если вода попадёт на ворот, и девочка расправила на плечах полотенце.

Глава 5. Варенье против военной стратегии

Юла пришла к завтраку с двумя косами разной толщины. Я увидела её у кухонного стола, остановилась с банкой сливового варенья и сразу поняла, почему Кайрен держит расчёску так, словно собирается спрятать. Одну косу он перетянул лентой почти у самого уха, из другой выбилась длинная прядь. Девочка осторожно потрогала голову и посмотрела на своё отражение в дверце шкафа.

— Здесь хвостик, — сообщила она.

— Вижу. Повернись, поправлю.

Вчера он вымыл ей волосы сам, поливая из кувшина и придерживая затылок свободной ладонью. Юла всякий раз требовала предупредить, прежде чем вода потечёт; отец предупреждал, потом ждал разрешения. Я проходила мимо с бельём, слышала возмущение из-за мокрого ворота, но меня не позвали. Сегодня девочка попросила две косы, как у принцессы на картинке в своей книге. Кайрен привык плести одну, и разделить кудри пополам оказалось труднее, чем он ожидал.

— Пробор можно сделать концом расчёски, — сказала я.

— Только не острым краем.

Он посмотрел на волосы дочери, потом на меня.

— Если она позволит распустить эту.

Юла вздохнула, подвинулась на стуле и согласилась. Ник уже ел кашу. Он поднял глаза на сестру, хотел что-то сказать, но отец коротко качнул головой. Мальчик сунул ложку обратно в миску, и мне стало любопытно, что именно он удержал за зубами.

Пока Кайрен разбирался с лентами, я поставила банку на стол. Юла сразу вытянула к ней руку. Отец остановил её у самой крышки.

— Сначала завтрак.

— Я положу в кашу.

— Вчера ты съела варенье, а кашу оставила.

Она поглядела на брата. Ник торопливо подтянул свою миску: никто не должен был думать, что он тоже так сделал. Я открыла крышку. На ободке застыл сироп, внутри ещё оставались половинки тёмных слив.

— Оно сладкое? — спросила Юла.

— Достаточно.

— Тогда каша тоже будет сладкая.

Кайрен закончил косу, закрепил ленту, положил расчёску возле своих часов и отдал девочке ложку. Предложил сначала съесть три ложки без варенья, потом положить одну с ним. Юла посчитала на пальцах, попробовала торговаться за две и, не добившись своего, отправила в рот первую порцию. Я наклонилась посмотреть, не попал ли ей в волосы узел, но отец сам убрал короткую прядь из-под ленты. Его паль-

цы двигались медленно, чтобы не дёрнуть. Я вспомнила эти руки на бумаге, когда он показывал согласие на курс, и от маленького движения возле детского уха у меня потеплело лицо.

— Теперь? — спросила Юла, показав ложку.

— Ещё две.

Ник молча отсчитал себе варенье. Я приподняла банку, чтобы он достал до слив. Кайрен взглянул на его тарелку и протянул руку за собственной ложкой. На дочерней косе осталось одно перекрученное звено, но Юла больше не тянулась к зеркалу. Она доела положенное, получила сироп и с явным удовольствием размазала его по светлой каше.

— У вас это надолго, — сказала я Кайрену, разливая кофе.

— Завтрак?

— Подсчёты. Вон Ник уже отложил хлеб, чтобы не сбиться.

Генерал повернулся к сыну. Мальчик держал ложку над миской, ожидая, когда отец посмотрит, сколько он съел. Я пожалела о своей шутке, но Кайрен убрал часы в карман и попросил подать хлеб. Сказал детям, что дальше они сами разберутся, сколько положить; больше половины банки всё равно не осталось. Ник первым засмеялся. Мне понравился этот смешок — негромкий и внезапный, без оглядки на сестру.

Через несколько минут Юла вымазала рукав. Отец взял

тряпку, я подхватила банку раньше, чем та попала под его локоть. Он накрыл мою руку своей, придерживая стекло, пока я ставила его подальше. Под его ладонью было тепло. Кайрен сразу отпустил, вернулся к пятну на рукаве. Я доела хлеб с вареньем, заметив каплю сиропа и на его пальце.

После завтрака я показала Кайрену, где ставить детские подносы, если Грета уже занята столовой, и в какое время Неля приходит менять бельё. Мы стояли в коридоре у восьмой. Юла отдыхала после похода в кухню, Ник рассматривал рисунок корабля, начатый вчера. Генерал записал часы на обороте старого конверта и спросил, когда лучше выходить в сад.

— После обеда тень у западной стены, — ответила я. — Дальше не ведите. Лидия разрешила пока сидеть, а не гулять вокруг дома.

— Мы возьмём книгу. Ник хотел дорисовать.

Я принялась объяснять, где найти подушку для скамьи, где стоит столик, и успела предложить переставить его, чтобы дети сидели ко мне лицом. Кайрен слушал, а я в уме уже освобождала себе время между выдачей обедов и приездом двух гостей. Оттого, что он не спорил, хотелось устроить всё ещё удобнее.

Днём я вынесла в сад стулья. Кайрен привёл Ника и при-

нёс Юлу. Устроил дочь возле себя, подложил ей под спину подушку; мальчик разложил бумагу. Я заметила, что в мисочке у девочки оставлен кусок пирога, и без спроса отломил его помельче. Юла быстро притянула посуду к животу.

— Я держу, — сказала она.

— Так легче есть.

Я хотела показать, как положить крошки на салфетку, но Кайрен попросил меня оставить пирог. Сказал это спокойно, придерживая книгу коленом. Мне пришлось выпрямиться; на пальцах осталось немного начинки.

— Она не уронит. Мы договорились, что попробует сама.

— Я только хотела помочь.

— Я тоже. Когда велел Нику переодеться.

Ник оторвался от бумаги. Юла вцепилась в мисочку так же, как в первый день — в ложку. Мне стало жарко, хотя стулья стояли в тени. Я уже придумала, что это мой пирог и я лучше знаю, как его едят, приготовилась уйти на кухню, считая, сколько раз с утра помогла Кайрену.

Я вытерла пальцы о салфетку и положила её рядом с девочкой.

— Хорошо. Попросишь, если понадобится.

Юла не ответила, осторожно подцепила кусочек ложкой. Кайрен открыл книгу. Я оставалась возле столика дольше, чем требовалось, пытаюсь решить, уйти ли мне сразу. Он подвинул свободный стул ногой.

— Садитесь, если есть время.

— Пять минут.

Я села и стала разглядывать Ников корабль. Мальчик задумчиво дорисовывал третий парус. Повязка на пальце ещё мешала удерживать карандаш, но он не бросал. Юла надкусила свой большой кусок, просыпала крошки на колени и поглядела на отца. Тот протянул ей край полотенца, не отбирая пирог.

Мне хотелось рассмеяться над собой, но в горле всё ещё стояла досада. Генерал перехватил мой взгляд. Когда Ник принялся выбирать цвет для флага, Кайрен тихо добавил:

— Я благодарен за то, что вы показали. Но не каждый раз нужно делать вместо нас.

— Да. Я слышала.

Я просидела почти десять минут. На странице покачивалась тень ветки. Кайрен читал низким ровным голосом, останавливаясь ради Юлиного вопроса. Девочка оставила половину пирога. Когда я поднялась, генерал попросил передать Грете, что ужин заберёт сам. Я кивнула, уже не предлагая перенести его в сад и накормить детей заранее.

Утром следующего дня Лидия разрешила Юле короткое купание в неглубокой ванночке. Девочка устала от обтираний, просила вымыть ноги и посидеть в тёплой воде. Неля нашла в кладовой широкую деревянную кадку и застелила

дно полотном. Грета согрела воду на плите; последнее восьмилитровое ведро я слегка подогрела своим даром, перемешала и отнесла Кайрену. Восьмая комната проветрилась, солнце лежало на краю Юлиной постели. Генерал закрыл перегородку у умывальной, спросив дочь, удобно ли ей так.

Я ушла к стойке и успела рассчитать постояльца из шестой. Потом в коридоре стукнула дверь. Ник бежал ко мне, придерживая здоровой рукой повязку.

— Позови Лидию. Папа сказал.

Он не кричал. От этого я быстрее повернулась к Борису, который возился с замком у входа. Тот бросил инструменты, взял шляпу. Я пошла за Ником. В восьмой Кайрен уже заворачивал дочь в сухую простыню. Юлины пятки были белыми, на краю кадки росла тонкая полоса льда. Вода у стенки застыла в плёнку, середина ещё покачивалась. Девочка пыталась согнуть пальцы, не могла и начинала плакать.

— Полотенце, — сказал отец.

Я взяла его с кровати и обернула Юлины ноги. Кайрен посадил дочь к себе, укрыл свободным краем простыни и спросил, чувствует ли она пальцы. Юла кивнула, уткнувшись ему в шею. За перегородкой капала вода; этот звук вдруг стал нестерпимым. Я потянулась вынести кадку, но генерал попросил сперва принести чистую рубашку. Сказал, где она лежит. Я открыла сундук и нашла верхнюю, с мягким воротом.

Ник стоял у дверного косяка. Я показала ему место на его кровати, спросила, принести ли книгу. Он отрицатель-

но мотнул головой, но сел. Когда отец заверил его, что держит Юлу и никуда с ней не уходит, мальчик опустил плечи. Я застегнула одну пуговицу на рубашке, остальные Кайрен застегнул сам. Девочка перестала плакать, но не отпускала его ворот.

Лидия пришла с Борисом, сняла очки, протёрла их и только потом наклонилась к Юле. Послушала, осмотрела кожу, велела пока держать ребёнка в сухом и не пробовать согревать её магией. Кайрен сразу убрал руку, которой хотел растереть ладони дочери, и уточнил, можно ли держать как раньше.

— Можно. Не трите сильно. Я сейчас проверю, как она дышит.

Я стояла возле кадки, вытирая мокрый передник. Несколько часов назад лекарка говорила, что Юла стала спокойнее, а я выбрала воду, потрогала её и принесла сама. Кайрен взглянул в мою сторону. Я ждала вопроса о том, что добавлено в ведро, и ответила прежде, чем он успел заговорить:

— Ничего. Я только подогрела воду. Она была из кухонного крана.

Лидия подняла голову.

— Вы наливали её и в чай?

— Для детей из бутылок. Остальным — как всегда.

Она попросила оставить воду в кадке. Из чемодана достала чистые флаконы, один дала мне для кухонного крана, второй — Борису. Тот знал, где набрать воду из старого родни-

кового ввода до дома. Ещё один образец лекарка взяла из бутылки, которой поили детей. Грета заглянула в комнату, увидела Юлу и сама предложила отнести в кухню принесённые флаконы; Лидия объяснила, какой откуда наполнить.

Пока девочка согревалась в сухом, лекарка подписывала пробы. Кайрен не выпускал дочь, прижал угол подушки между её щекой и своим плечом. Я принесла ему стакан питьевой воды. Он поблагодарил и подвинул мне стул, но я осталась у подоконника.

— В первый вечер тоже была кухонная вода, — сказала я. — В супе. Тогда миска треснула.

Лидия сверила записи. Посмотрела на Юлу, уже задремавшую у отца, и попросила меня повторить, когда мы начали поить их из бутылок. Я назвала утро после прихода. Она отметила дату, не объявляя найденной причину всех приступов.

В пробе из крана при боковом свете оседал мелкий блеск. В родниковой и бутылочной его не было видно. Лидия отложила эти флаконы отдельно от образца купания. Кайрен спросил, то ли это, что было на одежде.

— По виду похоже. Нужна проверка состава. Пока используйте для них привозную воду и для умывания тоже. Ванну отменяем.

Я вышла к Грете. Велела не наливать из крана, предупредила постояльцев о проверке водопровода и послала Нелю за ещё одной партией обычной воды. Потом нашла Бориса

у заднего входа. Он уже собрал инструменты и стоял возле низкой двери в подвал.

— У родника чисто, — сказал он. — В дом идёт другое. Надо смотреть, что у стены нам переделали.

Весь остаток утра я носила воду из лавки и объясняла гостям, что у нас проверяют ввод. Неля отложила стирку, убрала кадку, оставив лекарке немного воды в подписанной банке. Юла спала, Кайрен сидел рядом. Лидия осталась наблюдать её до следующего утра; отец договорился об оплате этой ночи. Я пошла за Борисом в подвал.

Схему разводки мы достали из папки с документами дома. Борис разложил её на бочке, прижал углы инструментами и провёл пальцем по линии старого родникового ввода. Эту трубу он знал: несколько лет назад менял проржавевший участок под мойкой. Отвод в кухню совпадал, разветвление к комнатам тоже. Возле задней стены линии сходились иначе.

Я опустила на корточки, поднесла лампу. За снятой доской блестел новый тройник. Тонкая медная труба уходила через отверстие наружу, к уличной курортной сети. На гайке ещё сохранился чистый след ключа. Борис потёр шов большим пальцем и снял с него светлую стружку.

— Это когда сделали? — спросил Борис.

— В начале месяца приходила бригада. Меняли что-то

возле стены. Сказали, старое крепление мешает уличным работам.

Мне вспомнились двое мужчин с ящиком, которых я впустила через задний вход. Они показали наряд городской службы, попросили не пользоваться водой полчаса. Борис тогда был на крыше, я принимала гостей. При мне они убрали доски на стене, а после вернули их на место. Бумагу об окончании работ я не подписывала: сказали, она нужна только для замены самого ввода.

Борис повертел снятую стружку.

— Ввод как раз и тронули.

— Перекроем, — сказала я.

— Сначала снять надо. Раз уж хотите спрашивать с городской службы, пусть будет видно, что стояло.

Я нашла наряд в папке со страховым договором и квитанцией за оплаченный годовой взнос. Бориса отправила в фотографическую мастерскую на почтовой улице. Там снимали дома для страховых описей. Пока он ходил, Кайрен вышел из восьмой. С детьми оставалась Лидия. Я показала ему бумагу и объяснила, что нашли.

— Я оплачу снимки. Копии можно получить две?

— Одна останется у меня. Другая вам для заявления.

— Так я и хотел.

Фотограф приехал с камерой на треноге и коробкой стеклянных пластин. Кайрен заплатил четыре серебряных за съёмку и отпечатки, получил квитанцию. Мы спустились

вместе. Борис уже оставил доску у стены; фотограф попросил не сдвигать лампу, положил рядом с трубой мерную линейку и приготовился. В тесном проходе генерал оказался у меня за плечом. Я отступила, чтобы освободить камере место, и почти упёрлась в него.

Кайрен поймал лампу за ручку прежде, чем она качнулась к моей юбке. Я подняла голову. До его лица было так близко, что различалась тонкая седина у виска и маленькая складка возле рта. Он пропустил меня к бочке. Я устроилась возле схемы, чувствуя, как быстро бьётся сердце, и сердясь на то, что именно теперь это кажется мне самым заметным событием дня.

Сняли общий ввод, тройник и место прохода через стену. Фотограф записал адрес, дату и номер заявления Кайрена, обещал к следующему утру два комплекта. Я убрала бумаги и велела перекрыть только новую ветку. Старый ввод оставался на месте. Борис затянул кран перемычки, проверил соединение. Потом нужно было промыть трубопровод дома, всю эту воду слить.

Провожая фотографа, я зацепилась рукавом за каменный выступ у низкой арки. За ней шёл узкий проход: холодный воздух пах сырой кладкой. Кайрен спросил, куда он ведёт.

— В старую водосборную галерею, — ответил Борис. — Над ней ваши комнаты. Не входите без меня, там на полу порог не видно.

Кайрен поднял лампу. За аркой различались две круглые

рукояти: одна небольшая на стене, другая у дальней решётки, почти на уровне колен. Я видела их прежде, когда проверяла подвал после сильного дождя, и обходила, чтобы не порвать одежду о выступы.

Борис указал на малую.

— Обвод от городского распределителя. Здесь впускают воду в галерею, там выпускают в нижний сборный канал. После установки насоса этим не пользуются. Только смотреть, открывать сейчас незачем.

Кайрен присел возле решётки, но рукоять не тронул. Я вынула зацепившуюся нитку из рукава. Вдоль шва образовалась маленькая дырка. Генерал заметил, спросил, не поцарапала ли я руку. Я показала целую кожу и начала привычно считать, сколько ещё работы понадобится: промыть сеть, принести воду, отыскать другую блузку до вечернего заезда. Кайрен поднялся.

— Что я могу взять на себя, когда Лидия уйдёт?

— Детей. Вёдра мы донесём.

Он кивнул. У лестницы мне захотелось задержать его, вернуть к шутке о варенье или спросить что-нибудь о завтрашнем дне. Я вместо этого поблагодарила за снимки. Кайрен дождался, пока я поднимусь, и только потом отдал лампу Борису.

К утру фотограф привёз два комплекта. На снимках хорошо различались новый тройник, гайка и отверстие в стене. Я положила один комплект вместе с нарядом городской службы, Кайрен забрал второй для своего заявления. Борис к этому времени промыл трубы дома и снова набрал воду до ввода и из кухонного крана. Лидия взяла свежие пробы, посмотрела записи, проверила Юлу. Девочка ещё была слабой, но спала спокойнее. Для неё и Ника лекарка оставила привозную воду, пока не получит проверку состава.

В полдень я собиралась в лавку заказать ещё бутылки. Кайрен тоже вышел из восьмой: Лидия оставалась там после осмотра, дети спали, и он условился с ней вернуться через четверть часа. Спросил, далеко ли лавка. Я сказала, что на рыночном повороте, и мы пошли вместе. Уже за воротами я вспомнила, что с утра снова надела рабочий передник; отвязала его и вернулась оставить на крючке. Генерал ждал у калитки, придерживая ветку сирени. Когда я проходила, отпустил её не сразу, чтобы листья не хлестнули по лицу.

На площади ставили деревянные помосты. Рабочие поднимали лестницу, ругались из-за верёвки; у фонтанной чаши лежали рулоны ткани. Я замедлила шаг возле афиши Праздника источников. Он проходил в конце курортного сезона, и каждое лето на площади появлялись одинаковые синие лен-

ты. В этом году обещали ещё и световую дорожку вдоль ручья. Я наклонилась прочитать имена тех, кто оплатил украшение: «Серебряные ключи» стояли в начале списка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.